

Речевой жанр воспоминания является главным в этом выпуске альманаха. Анализ этого жанра осуществляется на материале рассказов старожилов г. Благовещенска Амурской области. У наших информантов разное образование, разное социальное положение, но их всех объединяет любовь к родному краю и родному городу. Мы представляем читателю подборку рассказов, которые позволят составить представление о том, каким остался Благовещенск в памяти горожан.

УДК 801:316

Н.В. Лагута

**«ВСЁ КАЖЕТСЯ, ЧТО СТО ЛЕТ НАЗАД БЫЛО
ИНТЕРЕСНЕЕ И ЛУЧШЕ!»:
воспоминания старожилов г. Благовещенска**

Статья посвящена обзору основных тем, затронутых в рассказах-воспоминаниях старожилов г. Благовещенска.

Ключевые слова: город, Благовещенск, память, воспоминание, тема, топоним.

The article provides an overview of the main topics covered in the personal stories and memoirs of Blagoveshchensk senior citizens.

Keywords: city, city of Blagoveshchensk, memory, reminiscence, topic, toponym.

Память согревает человека изнутри...

Харуки Мураками

По определению толкового словаря [1, т.1, с.215], воспоминание – это «то, что сохранилось в памяти, мысленное воспроизведение этого, возобновление представлений о ком, чем-либо», следовательно, смыслом коммуникативной ситуации является «извлечение из памяти и вербализация информации о каких-либо событиях, имевших место в прошлом» [2, с.169]. Основная коммуникативная цель жанра воспоминания состоит, во-первых, в передаче информации (воспоминание относится к информативным жанрам, которые осуществляют различные действия с информацией: передачу, сохранение, получение). Во-вторых, вспоминают обычно то, что воздействовало на воображение, что врезалось в память, следовательно, коммуникативная цель состоит и в том, чтобы передать эмоциональной настрой говорящего адресату, вызвать ответную реакцию – понимание, сопереживание. Также нужно отметить, что воспоминание нередко служит средством для формирования определенного обобщенного вывода; чаще всего, по мнению Л.Г. Гынгазовой [2, с.169] того, которое мы полностью разделяем; это «разного рода оценки, либо подводящие итог прошлой жизни, либо формируемые из антитезы «раньше-теперь» и соотносимые с полюсами «хорошо-плохо», либо заключающие в себе представления о нравственно-этических нормах, эстетическом идеале и т.п.».

Как представляется, право на такого рода выводы, суждения дает жизненный опыт (возрастной приоритет) рассказчиков. Нашими «авторами» стали старожилы города Благовещенска, люди, которые родились в этом городе и большую часть жизни прожили здесь. Мы беседовали с С.Д. Васильевой, которая, в силу объективных причин, не окончила среднюю школу и всю свою жизнь посвятила труду, А.В. Оськиной, работавшей на швейной фабрике, а также служившей в административной сфере, К.П. Афанасьевой, бывшим работником торговли, М.С. Лыткиной, работавшей сотрудником Госстраха, Л.А. Старыгиной, посвятившей себя музыкальному воспитанию дошкольников, О.К. Мамонтовой, научным редактором редакционно-издательского отдела Амурского государственного университета, Г.К. Алексеевой, заслуженным учителем школы Российской Федерации. Социальный статус информантов, как мы видим, различается: трудились эти люди в разных сферах. И именно это нам представляется важным, так как позволяет как более полно представить, чем жил город Благовещенск в XX веке. Конечно, все судьбы разные, они просто не могут повторяться, однако то, о чем говорят наши уважаемые старожилы, – основные темы, а также отношение к своему родному городу, теплое и искреннее, – не может не объединять: *«Провинциальный, конечно, город, но по-своему замечательный!»* (О.К. Мамонтова); *«По-моему, он всегда у нас был весёлый город! Детство, вы знаете, вот хоть какое детство, оно всегда проходит весёлое, хоть какое»* (С.Д. Васильева); *«Он у меня был самый родной, это первое...»* (М.С. Лыткина).

Отчётливо рисуются в рассказах о городе любимые места: *«Особо хочется сказать о березовой роще. Березовой ее называли мы, дети. На самом деле здесь росли и сосны, и черемуха. Но большинство деревьев – карельская береза. Тогда я впервые увидела это дерево, узнала его название. Роща была любимым местом сначала для игр, потом прогулок, свиданий. Раскинув на траве одеяло, готовились к экзаменам, а в перерывах катались на велосипедах. С восхищением вспоминаю чистоту этого места: нет никакого мусора, по траве ходим босиком, да еще и ноги остаются чистыми. А еще было много грибов, иногда собирали по ведру. Роща была одна на всех – никто не ломал веток яблонь и черемух, не протапывал лишние тропинок, не копал землю под деревьями. Мы все ее как-то негласно берегли и любили»* (Г.К. Алексеева); *«На перекрестке Ленина-Шевченко кинотеатр «Октябрь», там фильмы постоянно, мы ходили, там даже два зала было, большой и малый»* (К.П. Афанасьева); *«А там такая сопочка хорошая была, мы там всегда катались на санках! С этой стороны так маленько полого, мы на лыжах катались, а с этой стороны так круто, и мы, это, на санках катались. Ой, так здорово! Только мать всегда говорила: «Там дорога, смотрите, ещё под машину не залезьте!». Ну, правда, транспорту мало было, но всё равно, всё время предупреждала. А туда дальше, там было болото. Там всё время в зиму оно замерзало и мы это, там катались! Кто на вот этих вот, на валенки коньки привязывал, кто уже самокатки, вот так вот отталкивались, так что мы там пропадали всю зиму, на этом болоте!»* (М.С. Лыткина); *«Центр города мне очень нравился, и там особая какая-то аура странная, парк перед магазином Чурина, знаете, на Ленина. Вот, перед магазином Чурина. Он маленький, но он замечательный! Вот. И что ещё... нравилось, нравился вот этот уголок, когда, знаете, когда построили около гастронома стеклянную такую часть... по Ленина.<...> И, значит, потом уже, позднее идёшь, и вот этот гастроном, и вот эта стеклянная часть... я так смотрю, чем-то напоминает мне Париж. Думаю, вот здесь вот так взять, щёлкнуть, и как будто в Париже!»* (О.К. Мамонтова).

С особой восторженностью и трепетом, несмотря на все трудности времени, наши респонденты рассказывают о годах учёбы, о школе: *«Помню, Новый год... вот так вот марлю синькой пома... выкрасят, и потом золотинки, эти, звёздочки, и космос там летит, и ракета летит, понимаете, вот?! И всё так было красиво! Торжественно! А зал вот этот, большой который... вот это окно тоже марлей синей занавесят, тоже звёздочки, ракеты! А зал такой красивый!»* (М.С.Лыткина); *«Мне показалось, это здание, где жили дети царей! Во-первых, там был... красивые были коридоры, где были постелены дорожки! По бокам стояли чаши с цветами!»* (Л.А. Старыгина); *«Школа... всегда было тепло и чисто! И из дому, где нечем было топить и подчас только кухню... закрывали всё и кухню кое-как натапливали, понимаете, я бежала в школу рано, рано совсем, и бежала вот в тапочках, потому что другой обуви не было, вообще, ни обуви, ни одежды, понимаете, вот...»* (О.К. Мамонтова). Вспоминая какую-либо ситуацию, рассказчики полностью переносятся в события давно прошедших лет. Действия становятся зримыми, осязаемыми, «объёмными» за счет языкового переноса в настоящее время, передачи прямой речи, разнообразных просодических средств (интонация, паузирование, темп речи и т.п.):

Л.А.: Женская гимназия. Принимали только девочек. И такой был интересный случай. Когда мама привела меня в 1948-ом году записывать в первый класс, меня встретила заведующая и сказала: «Мы девочек принимаем только с косичками!». Как я горько плакала! Вот это вот я помню!

Г.М. (дочь): А у тебя не было косичек, да?

Л.А.: У меня не было косичек тогда!

Г.М.: Почему?

Л.А.: Были вши, и мама меня стригла всё время.

Г.М.: То есть был короткий очень волос?

Л.А.: Короткий был волос.

Г.М.: Ну, и что? Как? Ты расплакалась, когда тебе сказали или ты дома расплакалась?

Л.А.: Нет, я там расплакалась! Но Пана Романовна... Так звали заведующую...

Г.М.: Она заведующая или директор гимназии?

Л.А.: Она была заведующей гимназии. Она сказала: «Успокойся, девочка! Всё, мы тебя принимаем, и надеюсь, что ты будешь отращивать косы!» (Л.А. Старыгина)

В рассказах об отдельных районах города закономерно использование названий улиц, отдельных урбанонимов и просторечных наименований жителей тех или иных районов: *«...жили мы на улице Хмельницкого, около... в районе Бурхановки, и гордо именовались тогда «забурхановцами», ближе речки или дальше, всё равно – «забурхановцы»* (О.К. Мамонтова); *«Вот сюда мы переехали, в микрорайон, в 1977-м году. Так. Наш дом был шестой во всём микрорайоне. Вот только по Дьяченко были дома, несколько, вот. Вот здесь было вообще болото!»* (А.В. Оськина); *«Мы жили в Кукуевке (неофициальное название одного из районов города – Н.Л.), за вокзалом, там вот другой... как вроде город напололам разделён, ну и вот, значит, эта сторона – Кукуевка, начала строится, расстроилась, расстроилась, уже подходит одна треть города. Вот, это за вокзалом, Кукуевка. Как называли её, так она и сейчас – Кукуевка там!»* (С.Д. Васильева); *«Был на Спичке (неофициальное название района города, в котором располагалась спичечная фабрика – Н.Л.) кинотеатр, потом вот здесь, в центре Ленина...»* (К.П. Афанасьева)

Память – это жизнь, а в жизни случается и хорошее, и плохое. Тяжёлое, горькое, военное время невозможно забыть: *«Ну, господи, тогда ни топить нечем было, ни... карточки вот эти хлебные, да, ой, ужас один! Я вот до сих пор вспоминаю, как хлеб, мать даст кусочек хлеба, да, маленький, по карточкам же, да! И мы этот хлеб не ели, а сосали! Чтоб на дольше хватило! Вот, я это хорошо помню, как этот хлеб возьмёшь и сосё-ёшь его, сосёшь, сосёшь! Вот так вот <...> Она (соседка) работала уборщицей в хлебном магазине, рядом там был тоже хлебный магазин, и вот эти вот крошки, которые оставались, от булок, она вот щеточка у них такая была, она сметала вот эти крошки и приносила домой! Сама ела и нас угощала! Вот этими крошками! Дак ещё рады были этим крошкам!»* (А.В. Оськина).

Воспоминания о наводнении – особая тема для старожилов: Благовещенск стоит на пересечении двух больших рек – Амура и Зеи, и сама природа порой проверяла на крепость жителей города: (о наводнении 1958 г.) *«Я просто почувствовала, каким может быть Амур! И каким может быть... знаете, приро-ода! Когда она захочет...»* (О.К. Мамонтова).

Город – это прежде всего люди, которые в нём живут, а самое близкое и дорогое для человека – это его семья, родительский дом: *«Мама прожила всего 45 лет. Она была необыкновенная: столько, сколько она успевала сделать за день, не мог сделать никто. Никто так чисто не стирал белье, не пек таких ароматных булочек, ни у кого не было такого вкусного чая с молоком <...> Красивые и гордые люди. Красивы были мои бабушка с дедушкой, их родственники и друзья: Поповы, Умрихины, Саяпины, Косицыны. Всегда трезвые, чисто одетые, хотя многие из них были просто мещанами, всегда улыбающиеся, хлебосольные, без грубых слов, обид. От них всегда веяло спокойствием, уверенностью и добротой»* (Г.К. Алексеева); *«Мы сначала жили на Амурской. Вот, я уже говорила, где Амурская между Пушкина и Чайковского. Вот. Был там, щас тоже его нету, такой дом был большой, деревянный, одноэтажный, рядом с нами была парикмахерская, тоже там её снесли давно, и в этом доме жили три семьи, вот»* (А.В. Оськина); *«На Шимановской, бывшей в то далекое время Буссевской, был большой просторный двор, заросший травой-муравой, высокие ворота и заплот, очень высокий сарай с покатой крышей. И в доме было все необыкновенно. Особенно запомнился письменный столик-конторка: покатая крышка, множество маленьких ящичков. Наверное, за этой конторкой писали мои бабки-гимназистки где-то в позапрошлом веке»* (Г.К. Алексеева); *«1955-1956 годы. Третий класс. Мне идет десятый год. Мы всей семьей переезжаем в дом на берегу Зеи. Кожевенная номер два. Здесь я прожила до двадцати семи лет. Это была не просто жизнь – это был целый мир, Вселенная. Теперь этого дома нет. Его снесли в 90-х годах. XX века. Но он живет в памяти. Огромный, деревянный. Комнаты высотой три с лишним метра. Дом, рубленный из больших сосновых бревен, оштукатурен внутри. Половицы широкие, крепкие, отполированные, будто из мрамора. Особое восхищение вызывали окна. Шесть из них выходили на берег Зеи, на восток, четыре – на север»* (Г.К. Алексеева).

Конечно, важно и то, как жили раньше, тот уклад жизни: *«А женщины, вот я помню, да, если мужики вот так вот что-то там делали, ну, даже уже после того, как дом построили, женщины собирались и, значит, мужики выносили там всё это... трясти всё это, перед Пасхой особенно убирались хорошо в квартирах, да. А женщины варили обед, да, стряпали там, в общем, всё вот это. Потом садились и пели песни. Как пели хорошо!»* (А.В.

Оськина); *«В семье ценился порядок, за стол садились только всей семьей. Завтрак, обед, ужин – все строго, чинно. Не на кухне, а в столовой, за круглым столом. Стулья с очень высокими спинками, чай в очень тонких стаканах с серебряными подстаканниками, белые тарелки, тяжелые серебряные ложки – все это осталось где-то далеко-далеко позади»* (Г.К. Алексеева); воспитание в семье: *«Дисциплина, порядок! Дежурили мы сами, посуду мыли сами. Уборка полностью по очереди у нас: был список, кто дежурит, отвечает. Если он там не успел или не захотел – наказываем!»* (С.Д. Васильева). Не могла остаться без внимания и городская мода, ведь все наши информанты – женщины: *«Ситцевые платица, вот вы представляете?! Ситцевое! И всё! А на ногах тогда были тапочки: синие, на шнурках завязывались, брезентовые такие, и белые были тапочки брезентовые. Но те были как праздничные! Они были беленькие с синенькой каёмочкой, тоже брезентовые, мы их зубным порошком натирали и это, и носили! Штапельные платья были»* (А.В. Оськина).

Поскольку Благовещенск – приграничный город, иногда наши собеседники говорили и об этом, в памяти сохранились любопытные детали, иллюстрирующие отношения с соседями-китайцами: *«У нас была дружба с китайцами. Сталин приветствовал дружбу! И к нам даже в школу, в четвёртую, приезжала делегация ребяткишек. Я лично здоровалась с китайской девочкой. Мы проходили... стояли в коридорах, и они проходили мимо нас. Зимой даже устраивалась ёлка, когда замерзал Амур. И у нас были встречи <...> Дети китайские с родителями, и мы с родителями. Подходили к этой ёлке и водили хороводы. Какие, кто руководил нами, не знаю. Но хороводы мы водили. И обменивались мандаринами. Запах мандарин от них всегда чувствовался. Мы принимали от них этот подарок <...> Тогда ещё хорошие были отношения с китайцами, пока не умер товарищ Сталин»* (Л.А. Старыгина).

Он один такой – любимый город: провинциальный, небольшой, тихий, в чем-то патриархальный. Но здесь тебе дышится легко, замирает сердце от восторга на берегах батюшки-Амура и красавицы-Зеи. Это город, который не променяешь ни на какой другой. Из него можно уехать, но забыть его вряд ли получится: тенистые скверы, ладони площадей, ковры одуванчиков и сиреневые сопки багульника, обнимающие город весной.

Мы представляем подборку рассказов-воспоминаний, которые позволят составить представление о том, каким в памяти горожан остается наш Благовещенск.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь русского языка: В 4 т. /АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд. М., 1981-1984.

2. Гынгазова Л.Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики: Материалы Всероссийской научной конференции «Языковая ситуация в России конца XX века» (г. Кемерово, 1-3 декабря 1997 г.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. С. 167-174.

ВОСПОМИНАНИЯ О БЛАГОВЕЩЕНСКЕ

«Для меня Благовещенск – это дом!»

Мамонтова Ольга Константиновна, 1935 г.р.

г. Благовещенск Амурской обл.

Беседовала Лагута Н.В., 2015 г.

Обработала Лагута Н.В., 2015 г.

– Сейчас приближается Новый год, вот начнём с этого... Помню, как мы встречали 1964 год. Встречали дома, как все, пожалуй, благовещенцы, за редким исключением. У нас когда говорили ресторан, то никто не сомневался, что идёт разговор о ресторане «Амур», другого у нас не было в городе!

– *То есть один только ресторан?*

– Один был ресторан. Вот. Значит, и где-то около двенадцати, уже стол накрыт, мы с сестрой решили выйти и подышать на улицу. Вышли на улицу, луна высоченная! Огромная над городом! Холод ледяной! Дымы стоят прямые! И ни живой души! Ни-и... даже собаки не брешут. Всё тихо! Такая тишина удивительная! И снег чистый! А в конце квартала, жили мы на улице Хмельницкого, около... в районе Бурхановки, и гордо именовались тогда «забурхановцами», ближе речки или дальше, всё равно – «забурхановцы». Ну, а забурхановцы умели за себя постоять, были злоязыкие, остроумные, за словом в карман не лезли! Вышли мы с сестрой, ну что ж, даже, знаете, зубы поскалить не с кем (*смеётся*). Смотрим, на дороге стоит каток. Рабочие закатывали снег вот, дорогу-то, не чистили, а понимаете, снег укатывали катком, огро-омным таким! Стоит каток, рабочие его бросили, пошли отмечать Новый год, конечно. Мы к катку подошли. Оказывается, он легко катится! Мы переглянулись с сестрой и покатали его к... к Бурхановке. И катили... и только вот, знаете, скрипит снег под катком! И больше никаких звуков! И вот это запомнилось мне в связи с тем, что сейчас, знаете, тогда Новый год встречали... вот наступил Новый год, изредка там выйдут, из охотничьего ружья несколько выстрелов раздадутся в городе: встречают Новый год, стреляют в воздух... ну, и всё! И тишина, и покой! И все по домам!

Сейчас не люблю эти потоки машин, когда под окнами организованы гаражи, когда пройти невозможно! Такой зелёный город у нас был! Вот, знаете, столько зелени... и даже дороги эти, не мощёные и не асфальтированные, пыль... такая лёгкая пыль! Можно было идти босой по дороге, понимаете, и пыль фонтанчиками между пальцами! И такая красота! Провинциальный, конечно, город, но по-своему замечательный! Сейчас вместо зелени машины, всё, даже то, что было посажено людьми, где-то в шестидесятых годах высажены деревья, они, собственно говоря, истреблены все ради машин. Всё это машинами заставлено. Мне, знаете, эти цивилизационные процессы неприятны. Я их не воспринимаю. Они мне не нравятся абсолютно. Ну, я думаю, что это, знаете, возрастное, потому что (*улыбается*) тогда вспоминаю, вернее, тогда, когда такие мысли бродят, я вспоминаю сказку Гауфа о Карлике Носе: как старая ведьма раз в сто лет приходила на рынок и ворчала, что цены высокие, а продукты плохие, хуже, чем были сто лет назад (*смеётся*)! Ну и начинаю смеяться, думаю, вот, во что я превратилась (*смеётся*)! Вот, вот такое вот воспоминание о том, какая была встреча Нового года!

– Как с катком-то? Чем закончилось?

– Тут мы увидели, что уже почти Новый год! Каток мы оставили вблизи улиц, вблизи этой самой речки, и на рысях, у нас близко было, полквартала, добежали до дома и встретили Новый год, вот.

– Потом ничего на следующий день? Каток-то нашли?

– Даже и не искали! Нет, не наше добро! Они сразу найдут, а что там?! Всё на улице, всё это самое... Потом ещё что... Помню ещё наводнение 58-го года. Вы знаете, тогда же инф..., сейчас плохо информируют, а тогда информировали... вообще, никак не информировали. Словом, уже всё начиналось, тревожно было достаточно. Но мы, молодые, отправились в кино, на девять часов, как сейчас помню. Какой-то фильм смотрели, а потом вышли, а где же мы смотрели... был кинотеатр «Победа».

– Это он где был?

– На задворках Бурхановки, знаете, от... если идти... как вам объяснить точнее, на задворках – это... на задворках... За Бурхановкой был такой убогий кинотеатр. Мы туда отправились, посмотрели фильм, выходим, и как-то, значит, быстро мы прошли, а Бурхановка тогда-то, знаете, в трубу не была забрана, и такой...какая-то трево... тревогу вдруг ощутили, понимаете! Бурхановка такая мощная! Мы кое-как перебрались через неё, идём, на улицах вода! И, вы знаете, звук воды!

– Шум?

– Шум, да. И тревожный лай собак, и мычат коровы, а тогда даже, представляете, в каждом дворе, нашем, забурхановском, была животины, корова, и стоят хозяйки, эти вдовы военные доживали, перекликаются тревожными голосами. Мама стоит наша у калитки: «Вы где? Где вас носит?». «В кино были». «Так, домой!». А мы уже взрослые девицы, понимаете. Домой... мы входим в дом, в чём дело?! Она толкнула нас на диван: «Сидите здесь, чтоб я вас видела!». И вот тогда я почувствовала, был такой, знаете, момент истины, когда я почувствовала... я всегда считала, что меня, во всяком случае, мама не любит. Ну, вот. А, значит... а здесь я почувствовала, что мать-то тревожится, лю-любит! Ну, сели на диван и что?! Оказывается, надо... выходите, выходите, надо... будем укреплять Бурхановку, там берега, Амур тогда, вышли на работы все. А я-то только окончила вуз и пришла на работу. Один день проработала и тут наводнение... красота! Я туда не пошла, конечно, а стала укреплять Бурхановку, мне-то что Амур. Оказывается, коллектив весь отправился на Амур, и там, значит, вот мешки с песком укладывали, всё, это самое, укрепляли берега. Ну, вот, и как-то так вот, вот эта вот тревога, и страх первого дня... Я просто почувствовала, каким может быть Аму-ур! И каким может быть... Знаете, приро-ода! Когда она захочет, она нас когда-нибудь сбросит просто, знаете, как надоевших насекомых, раздражающих её! Ну, а так, вообще, привыкла жить в Благовещенске. А насчёт любви... ну, как вам сказать, я, знаете, довольно много ездила, путешествовала, когда была молодой, каждое лето уезжала из Благовещенска. Месяц я могла находиться вне города, а потом меня такая тоска одолевала. Понимаете! Я хочу домой, обратно! Для меня Благовещенск – это дом! И когда вот самолёт делает вот над Зеей такую петлю, разворот на посадку, я всё это узнаю... Ну, слава богу! Дом! Понимаете?! И вот тут я почувствовала, наверное, это любовь к отеческим местам, понимаете. Может, это и есть любовь.

«Сто лет было Благовещенску!»

Оськина Александра Васильевна, 1936 г.р.

Оськина Ирина Валерьевна (дочь)

г. Благовещенск Амурской обл.

Беседовала Лагута Н.В., 2015 г.

Обработала Лагута Н.В., 2015 г.

– 100 лет было Благовещенску! Вот такие мы были! *(показывает фото)* Девчонки, мы работали на швейной фабрике. А швейная фабрика была тогда, это 53-ий год, а швейная фабрика была тогда, где сейчас военкомат, вот там была швейная фабрика. На этой швейной фабрике я работала. Мне было 17 лет, и я пошла работать на эту швейную фабрику. Восемь классов закончила, а тогда восемь классов – платили родители 150 рублей, за учёбу в восьмом классе. Это в те времена были большие деньги! Понимаете, вот. И вот поэтому восемь классов и на работу! Вот, как бедненько одеты, видите? Футболочки и юбочки простые! А на ногах, я не знаю, наверное, тапочки! У всех.

– *И все одинаково одеты!?*

– Конечно! Ходили же, тоже же было шествие, демонстрация! Вот мы от швейной фабрики ходили. <...>

– *Александра Васильевна, вот в этот день... фотография есть, а помните этот день, что делали?*

– Не помню, шас уже не помню, сколько лет прошло-то, господи!

– (И. В.) Раз все кучей стоите, значит, на демонстрацию ходили!

– Ну, ходили! Поэтому мы и одинаково одеты, что мы ходили, была, значит, демонстрация. Но где были, не знаю. <...>

– Вот сюда мы переехали, в микрорайон, в 1977-м году. Так. Наш дом был шестой во всём микрорайоне. Вот только по Дьяченко были дома, несколько, вот. Вот здесь было вообще болото! Мы здесь сидели и смотрели, как утки плавают! Утки плавали здесь, вот. Вообще не было ничего. Ну, сколько лет уже прошло?! Уже тридцать пять, наверное, как мы здесь живём, даже больше. С 77-го-то года. Уже под 40! Ну, правильно, в 17-м году уже будет 40 лет! Чё здесь осталось, 38 лет! Автобус, конечно, здесь ходил один по расписанию, одиннадцатый, вот. Маленький такой автобусик был, вот как шас маршрутки у нас ходят, тогда такой автобус был. Ну, вот, ходил этот автобус по Дьяченко по расписанию. Никаких ни маршруток не было, ни такси не было. Точно также на работу мы ходили. Вот, когда я начала работать, да, пешком, пешком, да. И даже... а жили мы на Амурской, между Ремесленной и Чайковской – Пушкина. А тогда была, Бурхановская она называлась, вот так вот, и Амурская тогда Кооперативная была улица, вот. И мы ходили. В две смены работали, понимаете, но мы домой не боялись ходить, не было тогда такого, как сейчас, где-то там при... это самое, притормозят тебя, и налупят, и отберут чё надо. Тогда не было такого, вот в те годы, понимаете. Мы свободно ходили.

– *Даже поздно, да?*

– Поздно. Вот даже до двенадцати работали мы, первая смена с восьми до четырёх, а потом с четырёх до двенадцати мы работали. И мы спокойно шли домой пешком. Не боя-

лись, понимаете, вот. И в Парк ходили, Парк вот городской, где сейчас у нас там это, напротив... м-м-м... этого, как сказать, где Снегурочка у нас-то. Так он и был Парк городской тогда, да. Танцплощадка деревянная была, бегали туда танцевать! И тоже мы с Парка могли пешком идти, понимаете?! Если никто не провожал, значит, девчонки-подружки. Мы шли пешком, вот совершенно не боялись, а сейчас вот на улицу даже боишься выйти, да?! Вот так.

Значит, чё ещё. Вот, где у нас Гастроном сейчас, да, «Пекинская утка», а там был такой деревянный такой, щас уже его нету, как типа лавочка что ли, там был ювелирный магазин, понимаете?!

– *Это в каком году примерно?*

– Ну, это где-то, я свою молодость вспоминаю, где-то вот писят пятый – писят седьмой год. Вот просто вот такой небольшой там, как пристройка в середине была, да, и там был ювелирный магазин. Тогда же мы не понимали, что золото надо было брать, а на что было брать?! Зарплаты маленькие были. А золото тогда вообще дешёво стоило, если по нынешним временам сравнить. Ну, у кого деньги были, те, конечно, наверно, покупали. <...>

– Теперь рядом, значит, с этим э-э-э, с... сейчас там, там же на Ленина, сейчас там Суд присяжных, туда вот сразу за «Пекинской уткой», туда, Суд присяжных или Арбитражный суд! Там раньше была, был Дом политпросвещения, понимаете?! Дом политпроса, Дом политпроса. Вот. И я там работала, в этом Доме политпроса, там на первом этаже. У меня заведующая такая была хорошая женщина, вот. Я сидела на машинке печатала, а она здесь же сидела. Ну, тогда... наверно, щас-то не сядят рядом секретарей. Секретарей отдельно сядят. И... ой, одевались как, господи! Ситцевые платица, вот вы представляете?! Ситцевое! И всё! А на ногах тогда были тапочки: синие, на шнурках завязывались, брезентовые такие, и белые были тапочки брезентовые. Но те были как праздничные! Они были беленькие с синенькой каёмочкой, тоже брезентовые, мы их зубным порошком натирали и это, и носили! Штапельные платя были. Вот вы представляете?! И я вот там работала. Это я уже... но ещё не замужем была, я там работала. <...>

– Родительский дом?! Мы сначала жили на Амурской. Вот, я уже говорила, где Амурская между Пушкина и Чайковского. Вот. Был там, щас тоже его нету, такой дом был большой, деревянный, одноэтажный, рядом с нами была парикмахерская, тоже там её снесли давно, и в этом доме жили три семьи, вот. Значит, у двоих был вход один, у двоих семей, а у третьей семьи – с другой стороны вход был. Ну, вот так жили, в деревяшке в этой. Там коридорчик такой был маленький у нас, вот где мы с Плохотиными жили. Плохотины были, вот. И в этом коридоре золу выгребли и вот, значит, это самое, ванну поставили в коридоре, понимаешь?! А брат мой старший, значит, нянчился со мной. И второй тоже также нянчился, щас расскажу, как нянчился! И вот он, значит, меня взял на руки и пошёл, значит, на улицу. И в эту золу он руками это... упал! Темно было!

– *А горячая зола?*

– Ну, конечно! И он себе локти сжёл! Ну, я, конечно, заорала! Отец, значит, пришёл, тоже не разобрался, ему ещё ремня дал. Он до сих пор вспоминает. А он меня выкатил вот так вот! Руки – раз, и меня выкатил, и я в золу не попала, короче! Ну, нянчили как?! Люлька тогда была! Люльку подвесили к потолку, да, в этой люльке меня качали, вот. А потом, значит, с одной стороны один брат повесился, с другой – другой на эту люльку! Люлька оборва-

лась! (*смеётся*). Я тоже упала, значит, подняла крик! Вот щас вспоминаю, интересно было! В общем, попадало! <...>

– Вот в этом доме мы жили. А потом... Это в каком же году мы построили?! Я уже работала! Я уже пошла работать, мы дом ещё строили, это где-то в писят пятом, наверно, году или в писят шестом. Там был переулок. Он и щас там есть, но его только загородили уже. На этой же Амурской улице, напротив «Спутника», где «Спутник», магазин, на той стороне, на этой стороне был переулок с деревянными домами. Там много было домов деревянных. Вот там построили дом родители.

– *Сами строили?*

– Сами строили. Ну, у отца было очень много братьев. У него было восемь братьев и две сестры. И вот которые братья здесь жили, а здесь были и дядь Петя, и дядь Миша, и дядь Саша с дядь Колей, и дядь Федя... вот, они все собирались, очень дружные были. Они все собирались, вот когда что-то надо кому-то помочь, они помогали. И они собирались, и в общем, помогали всё вот это делать. Са-ами! Никого не нанимали, сами построили дом! А женщины, вот я помню, да, если мужики вот так вот что-то там делали, ну, даже уже после того, как дом построили, женщины собирались и, значит, мужики выносили там всё это... трясти всё это, перед Пасхой особенно убирались хорошо в квартирах, да. А женщины варили обед, да, стряпали там, в общем, всё вот это. Потом садились и пели песни. Как пели хорошо! Вот я запомнила, так хорошо! Никакие не... никаких не было музыкальных образований у них, ничё, просто любили и пели! И вот в этом доме мы жили! Вот так вот!

«Там, где моя память...»⁶

Алексеева Галина Кузьминична, 1946 г.р.

г. Благовещенск Амурской обл.

Подготовила Алексеева Г.К., 2008 г.

Была мама. Молодая, красивая, ушедшая на фронт в 1943 году, в 19 лет, и там встретившая отца – 25-летнего курского парня. Мама прожила всего 45 лет. Она была необыкновенная: столько, сколько она успевала сделать за день, не мог сделать никто. Никто так чисто не стирал белье, не пек таких ароматных булочек, ни у кого не было такого вкусного чая с молоком. С этого чая с молоком все и началось. Православный и крещеный отец то ли в шутку, то ли всерьез называл некрещеную свою жену «молоканка». А я смеялась и любила пить чай с молоком. «Молоканка – та, которая любит чай с молоком», – думала я. И лишь годам к восемнадцати узнала, что молокане – это целое сословие, особый народ, как у нас говорили. Они все были очень близки мне по характеру, поступкам, взглядам на жизнь.

Это были мои родственники. Это о них я прочитала в книге Л. Антоновой «Заслон», когда уже сознательно стала изучать историю своей семьи: «...в далекой от здешних мест Таврии красивые и гордые люди, отказавшись поклоняться «деревянному богу», побросали в огонь иконы, перестали ходить в церкви, пить вино, есть свинину и соблюдать посты. Дело о вероотступниках дошло до Священного Синода. Новая вера получила название «молокан-

---

⁶ Фрагмент из рассказов Г.К. Алексеевой был опубликован в Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 5 / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2007. – С. 101-103.

ской ереси», а ее последователи за свое вольнодумство были приговорены к высылке в малонаселенные края. Старики, бывало, потом шутили, что «ехали, мол, сначала на волах, потом на верблюдах, а там уж добирались на комарах».

Красивые и гордые люди. Красивы были мои бабушка с дедушкой, их родственники и друзья: Поповы, Умрихины, Саяпины, Косицины. Всегда трезвые, чисто одетые (хотя многие из них были просто мещанами), всегда улыбающиеся, хлебосольные, без грубых слов, обид. От них всегда веяло спокойствием, уверенностью и добротой.

Дед Николай, статный красавец из зажиточной торговой молоканской семьи, вопреки воле родителей женился на мещанке Марии, голубоглазой, длиннокосой, строгой красавице Марусе, Марии Васильевне. «На нашей свадьбе не было ни капли водки», – сказала мне как-то бабушка. Очень удивившись, я спросила: «И было весело?». «Да», – мечтательно улыбнулась старая женщина. Такой нежной любви и привязанности до последних дней жизни, как у моих бабушки и дедушки, я не встречала.

Отделившись после свадьбы и не получив никакого капитала, дед должен был работать сам, чтобы содержать семью. Может быть, это и к лучшему: приближался 1917 год. Первая его должность – приказчик оптового магазина Торгового дома «И.Я. Чурин и Ко». Дед вспоминал, что в первые годы работы, открывая магазин, обходя его, проверяя готовность к новому дню, он то там, то здесь находил словно кем-то оставленные мелкие деньги. Умный и очень честный, он понял, что этим проверяют его. В действительности оказалось именно так: хозяин специально подбрасывал мелочь, проверяя честность деда.

До последних дней жизни мои родственники никогда не жили «взаймы», а помогали сами, чем могли: кому-то сумкой картошки со своего маленького огорода, кому-то банкой малинового варенья, кого-то приютили в своем доме месяца на два-три. И это были старики на девятом десятке жизни.

Бабушка меня учила: «Постельного белья должно быть много. Оно разное, но не яркое, с неброским рисунком, без вязаных крючком украшений. А наволочки и простыни только белые». Белым было и бабушкино белье. Длинная нижняя юбка в «татьянку» на узком пояске и пуговичке, лиф до пояса (своеобразная кофточка) с овальным вырезом на маленьких пуговицах впереди. Нет ни кружева, ни вышивки – все ослепительно белое и крахмальное.

Не сказать, чтобы бабушка была кулинаркой, но блюда, приготовленные ею, запоминались навсегда: они поражали каким-то особым вкусом. Не было особых приправ, одни натуральные продукты, но их вкус я помню до сих пор. Щи, тушеный картофель, гусятинная лапша, блинчики. О последних особый рассказ. Сначала их просто пекли, много-много, пили с ними чай, а утром оставшуюся стопку блинов разрезали на четыре части и заливали кипящим молоком со сливочным маслом. Мы, ребята, просто обожали такие завтраки да с чаем с молоком. Пирожки и булочки пеклись только в печи, но чаще всего калачики. До сих пор хранятся в семье рецепты, записанные рукой дорогих мне людей. Калачики пеклись на кислом молоке и топленом сливочном масле. И в школу, чтобы перекусить на перемене, нам давали эти вкусности. А еще были кисели. Всякие: брусничные, яблочные. Но из самого раннего детства вспоминаются молочные, а к ним лапша. Она была только домашнего приготовления. Тесто раскатывалось так тонко, что просвечивало, затем подсушивалось, сворачивалось в рулон и резалось опять же тонко-тонко. Однажды я заболела, ничего не хотелось есть, и

мне принесли гусиной лапши, сказав, что если съем ее, то сразу поправлюсь. Не знаю, лапша ли тому причина, но я быстро пошла на поправку. Гусиной лапши мы давно не едим, но на рождественском столе в нашей семье гусь есть всегда.

В семье было много традиций. Поддерживалось родство, знали всех: и близких, и дальних родственников. Писали письма, обязательно поздравляли с праздниками, дарили подарки. В нашей семье дарить подарки было привилегией дедушки. Он приходил в праздники пораньше и дарил кому книжку, кому карандаши, кому косынку. Много забылось, но его подарочки запомнились. И еще запомнилось его лицо, радостное, одухотворенное. Он был необыкновенный оптимист. Мой дед умел жить, радоваться жизни, и прожил он 90 лет.

В семье ценился порядок, за стол садились только всей семьей. Завтрак, обед, ужин – все строго, чинно. Не на кухне, а в столовой, за круглым столом. Стулья с очень высокими спинками, чай в очень тонких стаканах с серебряными подстаканниками, белые тарелки, тяжелые серебряные ложки – все это осталось где-то далеко-далеко позади.

Наши дома. На Новой, Шимановской, Пушкина. В них жили родные мне люди. Каждый дом запомнился особыми приметам. На Шимановской (бывшей в то далекое время Буссевской) был большой просторный двор, заросший травой-муравой, высокие ворота и заплот, очень высокий сарай с покатой крышей. И в доме было все необыкновенно. Особенно запомнился письменный столик-конторка: покатая крышка, множество маленьких ящичков. Наверное, за этой конторкой писали мои бабки-гимназистки где-то в позапрошлом веке.

Сейчас нет ни дома, ни конторки, остались только два подсвечника из тонкого серебра. В особо торжественных случаях мы зажигаем свечи в этих бабушкиных подсвечниках.

Вот дом на Пушкина. Я уже большая. Третий класс. Мир воспринимается по-другому: хочется знать все о взрослых. Где служат? Чем занимаются? И оказывается, что дед в свободное время любит столярничать, а чулан – это его мир, где властвуют пилы, рубанки, стамески. Я знаю, как выглядят все эти инструменты и зачем они нужны, а мои внуки – нет. Только в музее я теперь вижу эти вещи, они туда пришли, словно из чулана деда.

Запомнилось, как бабушка, проснувшись утром, надевала свои замысловатые одежды: нижнюю юбку, лиф, а потом платье (не юбку, не халат, а платье). Расчесывала очень длинные волосы, заплетала косы и укладывала их вокруг головы короной. От дома на Пушкина остались только фотографии: бабушка-красавица с короной кос на голове и статный дед.

На Новой было два дома. Высокие, с верандами, застекленными с трех сторон, полные света и солнца. Много цветов: в саду, палисаднике, во дворе. А на веранде цветет олеандр и раскидывает огромные лопасти фикус. Половина огорода засажена малиной, и мы, дети, лакомимся ею все лето.

Это места моего детства, самые дорогие и близкие, там корни моего родового древа.

Из рассказов родственников узнала, что родом они из Тамбовщины и Рязанщины, а потом из Таврии. Что дед – старший сын в семье, что все его братья и сестры получили хорошее образование и воспитание, закончили гимназии в Благовещенске, продолжили учебу в Москве и Петербурге, многие там и осели.

Помню свою прабабушку по линии деда Антонину Николаевну, учившую меня, как протирать серебряные вилки, как отдельно от всего белья стирать посудные льняные полотенца. Вспоминаю, как боялась ее строгости моя бабушка, пришедшая молоденькой невест-

кой в дом на улицу Бусевскую. Помню, как сидя на крыльце веранды по улице Новой, бабушка рассказывала о жизни в то далекое время.

Хочется и сейчас окупиться в тот мир, когда выскоблен промытый пол, подбелена печь, вымыты цветы, подметены кирпичики у крыльца. Чистота и покой, а мы ведем разговор. Они научили меня соблюдать во всем чистоту, чувствовать вкус труда, испытывать радость от хорошо выполненной работы и просто жить, радуясь каждому моменту жизни.

«Слово – олово! Дал – выполнить надо!»

Васильева Софья Дмитриевна, 1919 г.р.

г. Благовещенск Амурской обл.

Беседовала Лагута Н.В., 2015 г.

Обработала Лагута Н.В., 2015 г.

– Мы жили в Кукуевке, за вокзалом, там вот другой... как вроде город напополам разделён, ну и вот, значит, эта сторона – Кукуевка, начала строится, расстроилась, расстроилась, уже подходит одна треть города. Вот, это за вокзалом, Кукуевка. Как называли её, так она и сейчас – Кукуевка там! Ну и вот, а город – с этой стороны. Жила, конечно, я ... детство проходило... это где если два человека, или один, или... девять детей! Как вы думаете?!

– *Думаю, нелегко.*

– Дисциплина, порядок! Дежурили мы сами, посуду мыли сами. Уборка полностью по очереди у нас: был список, кто дежурит, отвечает. Если он там не успел или не захотел – наказываем! Всё! Чем наказываем?! А ведь девять человек! Ведь не поставишь вазочку с сахаром! Правда, нет! Вот так вот (*показывает*) по кусочку. Норма! Больше не проси, больше и нету. И мы так привыкли, привыкли. И сейчас я вот когда сажусь чай пить, я кусочек положу, больше мне не надо. Нормально, всё. Вот так жили. Учились в школе. После школы работали.

– *А в школе, в какой учились, Софья Дмитриевна?*

– Третья школа.

– *Это она где находилась?*

– Она находилась по Чигиринской улице, по Чигиринской улице, на той стороне линии. По Чигиринской улице, через линию.

– *Я не знаю, где Чигиринская улица?*

– Ну, вокзал, железнодорожный вокзал...

– *Поняла, 50 лет Октября...*

– А тут Кукуевка (*показывает*), а тут город. Вот мы ходили в школу через линию. Когда лезешь под вагоном, а когда, если стоит вагон с лесенкой, раз – на лесенку и перебежал! Сколько раз за это попадало, что лезешь под вагон! Обойди! Выйди раньше с школы и обойди состав! Ведь он может тронуться и тебя задавит! Ну, я под вагон очень редко когда, очень-очень. На лесенку залезу, прыгну туда и пошла. Вот такие дела! (*смеётся*) <...>.

– *Мама с папой чем занимались?*

– Мама работала в больнице, а папа пожарником служил. В пожарной части учил пожарников, был командиром. Учил пожарником, как обращаться на пожаре, как что. Вот так. А мама в больнице работала.

– *Родители вас строго воспитывали?*

Да, не баловали нисколько. Нисколько не баловали. Отец был у нас очень строгий! Знаете, чрезмерно. Если у нас один провинился, попадёт всем! Кроме меня!

– *Почему?*

– Девочку... папа никогда меня не бил. Мама ему сказала: «С мальчишками расправляйся, как хочешь! Ну, девочек не трогай!». Поняли?!

– *Мама мудрая, да, была?*

– Мама была очень мудрая! Умница была! Ну и он меня не трогал. А старшую сестру он даже слу-ушал!

– *Лену, да?*

– Лену. У ней характер был папин. Она была старшая в семье. У нас ещё брат старший – Саша, а она, вот как девочка, по всему дому хозяйка. Вот она распорядилась! Вот так, значит: «Вот всё сделала?» – «Сделала». – «Садись, учись вязать!». Мне говорит. Ой, не любила я вязать! «Вязать будешь?» – «Не буду!» – «Почему?» – «Не хочу!» – «Хорошо, не надо! Хорошо-хорошо, а вышивать будешь?» – «Не буду!» – «Почему?» – «Не хочу!» – «Хорошо, это ещё лучше! Значит, не получишь сахару!». Наказ! Все грызут сахар с чаем, а мне нету! (*смеётся*). Ну, брат у меня был такой, он меня жалел! И вот раскусит пополам свой кусочек и мне даст! Миша! Очень хороший брат был! Костя был как отец, очень строгий, ему пожаловаться ничё нельзя! А Миша был душа! Очень хороший. Мы были такие дружные, ну, и Костя был с нами вместе, но как-то он был сердитый такой. Ну, и так вот росли потихоньку, росли-росли и выросли!

– *Софья Дмитриевна, а что Вы любили по дому делать?*

– Что любила я делать? Я любила готовить! Работала поваром, поваром работала...

– *Уже когда повзрослели, да?*

– Ну, конечно, конечно. Я же около бабушки всё время! Мама на работе, бабушка варит, кто поможет?! Ну-ка, Соня, пойдём-пойдём! Как только стала я уметь держать ножик, чистить картошку, моё детство кончилось. Может, мне было лет семь...шесть... Я уже начала чистить картошку, морковку, свёклу. Вот. Потом бабушка вот так капусту разрежет, такой даст мне клубочек, покажет, как резать, как лапша, вот режь! Я режу! О-ой, сколько раз порезала пальчики! Бабушка скажет: «Ну-ка в рот палец затолкай, соси, и кровь перестанет!». И правда, перестала! Дальше работаешь.

– *Бабушка тоже с вами жила, да?*

– Да. Нас было девять, бабушка десятая, папа с мамой... двенадцать человек! Ведро картошки перечистить надо! Вот бабушка встаёт... другой раз я уже проснусь, бабушка стоит около меня, смотрит, до-олго стоит, хочет разбудить и жалко! Понимаешь?! И жалко ей будить меня! Нагнётся, поцелует и скажет: «Ну, моя дорогая, вставай!». И как всё равно ветром, раз! И бегом умываться! Умылась, причесалась, одела платок, назад концы, чтоб ни волос нигде не упал!

– *Это бабушка так воспитывала, да?*

– Да. А волосы дли-инные были, коса! И вот, вот так жили.

– *Дом большой был?*

– У нас... ну, как вам сказать. По-моему, был такой дом, шесть на пять.

– *Комнаты две было?*

– Одна большая комната, больша-ая комната, на полу у нас был с верблюжьей шерсти потник толстый вот такой.

– *Это как матрас?*

– Как матрас, да. Тёплый. И вот, мы его закатывали. Вечером пол сразу раз, это моё дело, с тряпкой протру кругом, раскатаем его. А простыни были, знаете, какие? Дерюжка! У вас была дерюжка?

– *Нет.*

– Связанная руками, крючком...

– *Из каких ниток?*

– Вот с... рвали вперёд что-нибудь там, старьё, какое уже не годится, рвут на дерюжки, значит. Рвут вязочки такие, ну, в палец толщиной, до конца, потом опять тут сшил (показывает), ещё, ещё и вот такие клубки сделаем и потом вяжем крючком... нет, вперёд ещё на веретёшке мы её крутим, на веретёшке, чтоб она как вроде округлилась, пряжа (*смеётся*). Всё делали сами, всё делали сами, никаких у нас не было работников.

– *А в вашем детстве город какой был?*

– По-моему, он всегда у нас был весёлый город! Детство, вы знаете, вот хоть какое детство, оно всегда проходит весёлое, хоть какое. Богато, конечно, мы не жили, но и всегда были сытые и всегда были одетые. Не хуже других, вот так. Старались родители, а потом уже старшие подросли, брат и сестра. Это уже... Митя был с одиннадцатого года, Лена была с семнадцатого года, Миша с пятнадцатого года, Костя... Костя с пятнадцатого, Миша с семнадцатого, я с девятнадцатого года. Вот так вот, целая лесенка!

– *Я думаю, вам в своей семье было весело, детей много, да? Скучать не приходилось, наверное?!*

– О-ой, нет. Когда папы дома нет, то мы ещё так, ничего. Бабушка скажет: «Смотрите, а то попадёт вам!». Ну, это ж ребятишки! Охота и попрыгать, и поскакать! Ну, уже другой раз когда доведут бабушку, то она отцу скажет. Если скажет она нам: «Скажу отцу!», всё, тут хоть как, всё равно скажет! Слово – олово! Дал – выполнить надо! Вот так.

«Дощатый настил был, тротуары, асфальта не было...»

Старыгина Людмила Алексеевна, 1941 г.р.,

г. Благовещенск Амурской обл.

Беседовала Старыгина Г.М. (дочь), 2015 г.

Обработала Лагута Н.В., 2015 г.

– *В шесть лет вернулись вы сюда после войны, да? Семья ваша?*

– Да. В Благовещенск

– *Каким помнится город? Что собой представлял тогда? Первые впечатления.*

– Пыльным... Ходили коровы, лошади, ну... повозки всякие, телеги, на которых ездили мужчины. Вот это я помню, первое впечатление.

– *Дома какие были?*

– Все деревянные...

- Все деревянные, да?
- Все деревянные дома. И по... поселили нас на улице Богдана Хмельницкая. Она была тогда Торговая улица! Двенадцать.
- Не Рабочая, да?
- Не Рабочая!
- Это потом стало название, да, Рабочая?
- Это с отцом когда уже... Рабочая – это баба Катя где жила.
- Все понятно.
- С семьёй.
- А вы жили, вашу семью... на улице Богдана Хмельницкого?
- Да, она была тогда Торговая, двенадцать. И вот, кстати, напротив был дом каменный – Дом офицеров Советской армии. Вот это я хорошо запомнила, потому что мы детьми, у меня еще брат был, детьми мы бегали смотреть фильмы. Взрослые ходили... Было жарко в зале, и они открывали двери, а мы, детишки, пролазили под скамейками и смотрели фильмы. И запомнился мне фильм «Индийская граница»! Больше я его никогда не видела, этого фильма.
- А чем запомнился? Что? Почему он запомнился?
- Почему он запомнился... Он был очень страшный, таинственный. Поднимались, вот, как из гробниц, людей оживляли... Вот это вот я помню. Вот такое вот. Ну, очень страшный фильм. Я очень долго не могла уснуть, когда мы прибежали после сеанса.
- А Дом Советской армии - это Дом офицеров потом стал, да?
- Он сейчас, Дом офицеров был, Советской армии, сейчас он Дом Российской армии. Вот.
- То есть это было на улице?
- Каменный...
- Красивое, да, здание?
- Самое красивое здание!
- А что там еще было? Какие... Вот зал, кинозал? Да? Вот что там? Что собой представляло?
- Ну, только кинозал я помню вот. И там собрание военных всегда проходило, солдат... Тогда мама устроилась на курсы шитья. Были курсы обучения шитью. И она туда ходила... Ну, это после войны было. Она училась там шить. А отца... сделали... взяли в типографию рабочим – лейнотипистом (линотипистом – Н.Л.). Вот это я хорошо помню. Типографию.
- Где находилась, кстати, типография?
- Она находилась на углу Калинина и Ленина. Где и сейчас находится... Отец приносил печатные книги о семье царей наших. И мне вот с тех пор понравились вот эти все сведения о царях, о их жизни, их культуре. Мне нравились картины, где были нарисованы женщины в таких красивых платьях... И я до сих пор вот люблю вот эту тему читать. О жизни царей наших, о их детях. Отец привил мне культуру к чтению.
- Какие были еще улицы, кроме Торговой?
- Кроме Торговой... Улица Тысяче девятьсот пятого года, еще где-то улица Зейская. Вот это я помню, она была рядом.
- А улица Ленина?

–Ленина улица – Большая!

– *Большая?*

– Называлась Большая. Улица Горького, помню, всегда была.

– *Так и называлась, да?*

– Так вот, по-моему, она называлась. Потому что меня повели в школу, когда вот, в четвёртую...

– *Гимназия, да?*

– Она была женская гимназия и на улице Горького. Я так запомнила. Больше я улиц не помню. Какая там была ещё...

– *Ну, а в городе что, значит... Ленина что собой представляла? Она же не такой была улица Большая. Она какая была? Не помнишь, какая?*

– Ну, дощатый настил был, тротуары, асфальта не было... Рядом с домом, через дорогу, пройдёшь, рядом с домом был парк такой, этот вот, я не знаю, как он назывался, и там стояло старинное здание купца Чурина. Это впоследствии был Дом пионеров, передали, Дом пионеров. Ну, было красивое такое здание это, боялись даже к нему ребятишками подходить! А играли около этого дома в парке. Я водила даже козу туда пастись!

– *Ну, расскажи, как ты водила?*

– *(смеётся)* За верёвку. Мне давала мама её... даст ещё воды с собой. Ну, я, конечно, воду пила, а коза... привяжу её к дереву, и она паслась. Как съест травку, я переводила её к другому деревцу, привязывала. Вот что я помню...

– *А как звали козу?*

– Не помню.

– *Не помнишь? А ты мне говорила, что она, вроде как застряла даже где-то там... у тебя? Когда...*

– А-а-а, когда асфальтировали! Начали асфальтировать улицу Большую. Она застряла посреди прямо дороги. Её, рабочие помогли мне вытащить её оттуда. Ну, она действительно, была коза-дереза! Она их испачкала! Кричала безбожно! И убежала! Мне пришлось её искать. Но она хорошо, что во двор вбежала вот, на эту вот, Торговую, двенадцать.

– *То есть это первые были... Ну, как вот, первое благоустройство?*

– Благоустройство, да, нашего города.

– *Первый асфальт клали, да, горячий? И она, вот, испугалась?*

– Да, горячий. И она, вот, обожгла ещё... Мне, конечно, вечером попало.

– *Ну, это в каком году, примерно было? Сколько лет тебе было?*

– Это уже, наверное, был 48-й год. Уже года три прошло после войны.

– *Так. А вот где сейчас универмаг, например, находится, да, там что находилось раньше?*

– Там был базар! Базар, где жители продавали соленья, варенья, ягоды, грибы, летом особенно. Он был как-то летний, зимой его не было. Там стояли лошади привязанные, кто привозил из деревень и лёгкое питание. А вот дальше, по улице Большой до улицы, вот, Партизанской, вот там был не базар, а, как же там называлось... называлось, вот там торговали мясом, рыбой, молоком. Зимой, не помню, работал он или нет. Но там не было крытых помещений.

- *А улица Партизанская? Так и называлась?*
- А так и называлась. Партизанская, так она и осталась... Или в честь войны вот она, какая война была... Когда участвовали партизаны.
- *Ну, Великая отечественная была?*
- Н-нет, не Великая отечественная. Ещё была война...
- *Революция?*
- Вот, в революцию. С японцами. Гражданская война когда шла. Вот эта улица была, так и осталась названа в честь этих партизан.
- *А вот набережная была или нет? Как выглядел берег?*
- Нет, набережной никакой не было. Просто подходили, вода плескалась, камешки. Вода, песок. Единственное закрытое место было – вот, где сейчас стоит арка. И вот этот дом старинный, куда приезжал Антон Павлович Чехов... Ну, это я не знаю, это ещё до меня, но там стоит табличка. Этот домик был красиво всегда оформлен, что там находилось, не знаю. Знаю, что там было это место закрыто великим забором.
- *Что значит великим? Большим забором?*
- Большим забором. Единственное помню, когда меня отправляли летом в лагеря на пароходе, мы проходили сквозь калитку между этим забором и зданием расписным вот этим. А он был построен... там арка стояла, красивая, была построена в честь наследника царя Николая... то ли приезжал... ну, это по рассказам взрослых, посетил Амурскую область...
- *Ну, тогда же не было арки, или была?*
- Была арка, была.
- *То есть ты помнишь первую арку?*
- Это, по словам мамы. Я помню, что вот этот вот проход, как нас на пароход садили... причаливал пароход вот к этому дому красивому. И открывали калитку, мы по дощатому каналу спускались, ой! По дощатому настилу спускались к реке.
- *Ну, город уже тогда же был пограничный?*
- Город был пограничный.
- *А как границу, не охраняли?*
- Ну почему, охраняли.
- *А как? Если не было никакого парапета, ничего?*
- Был. Пограничный гарнизон стоял по набережной, улица Шевченко, тогда она называлась... не помню. Там был военный гарнизон.
- *А китайцы в городе были? Много китайцев было?*
- Нет. Никогда не видела. Я видела, уже когда училась в классе пятом-шестом. У нас была дружба с китайцами. Сталин приветствовал дружбу! И к нам даже в школу, в четвёртую, приезжала делегация ребятшек. Я лично здоровалась с китайской девочкой. Мы проходили... стояли в коридорах, и они проходили мимо нас. Зимой даже устраивалась ёлка, когда замерзал Амур. И у нас были встречи.
- *Ну, а как это? Посреди Амура ставилась ёлка или как?*
- Посреди Амура ставилась ёлка, да.
- *И как? Как эти встречи проходили? С той стороны дети китайские что ли приходили?*

– Дети китайские с родителями, и мы с родителями. Подходили к этой ёлке и водили хороводы. Какие, кто руководил нами, не знаю. Но хороводы мы водили. И обменивались мандаринами. Запах мандарин от них всегда чувствовался. Мы принимали от них этот подарок.

– *То есть они дарили мандарины? А вы что? Чем-то благодарили же тоже, да?*

– Мы, не помню.

– *Ну, а хороводы, горки какие-то были или нет?*

– Нет-нет, никаких не было.

– *Просто вокруг ёлки?*

– Просто вокруг ёлки украшенной.

– *А это организовывалось? То есть это, допустим, со школы вас водили или...*

– Нет-нет, это было общегородское какое-то такое... Или от администрации города, или власти города. Тогда ещё хорошие были отношения с китайцами, пока не умер товарищ Сталин.

– *То есть вот так прямо проходили... Новый год проходил?*

– Праздник Нового года. Да, ещё из истории. Когда приезжал наследник царя, то был... церковь и домик деревянный построен, на Рёлочном переулке, где сейчас у нас стоит церковь.

– *Собор Николо-Александровский, да?*

– А тогда там был построен первый деревянный дом. Кстати там были ясельки, и вы ходили, Галина Михална, в эти ясельки. Вот это был дом первый и построен в честь... по моему, даже посещал... там была маленькая церковь. Ну, это по рассказам родителей, я так близко не помню.

– *Ну, а церковь в городе одна вот получается была или нет? В старом Благовещенске?*

– Я не знаю. Мы, дети, были отрешены от церкви. Нам не разрешалось, не разрешались никакие церковные праздники, мы не посещали. Всё это было под запретом строго, то есть религия была отделена от государства, поэтому, какая церковь?! Ну, я помню, что вот этот костёл, так и стоял.

«И всё так было красиво! Торжественно!»

Лыткина Мария Степановна, 1949 г.р.,

г. Благовещенск Амурской обл.

Беседовала Лагута Н.В., 2015 г.

Обработала Лагута Н.В., 2015 г.

– *Давайте в детство вернёмся. Вот, каким виделся город для вас, когда вы маленькая были?*

– Город виделся?! Он у меня был самый родной, это первое. Во-вторых, я ещё в школу не ходила, бегала в магазин за хлебом. Раньше ж по две булки хлеба давали в руки. Так я вот несколько очередей займу, куплю, в сумку положу, потом вторая очередь подходит, опять в сумку положу... Люди идут на работу, а я уже с хлебом! Ну, чё?! Нас, считай, пятеро и папа с мамой! Семь человек, чем-то надо ж кормить. Вот.

Помню, 100-летие Благовещенска было! Я была маленькая, где-то, может, первый класс, а может, ещё даже не это... ездили на корабле катались с матерью! Такое было впечатление! Радость! Вот!

– По Амуру?

– По Амуру, да, конечно.

– Тогда граница закрыта же была?

– Да, да. Я помню, Серёжку родила, у нас с китайцами началась какая-то заваруха. Я на работу пришла, говорю: «Это чё выходит?! Родители прошли через войну, и я ребёнка родила, буду теперь здесь... прыгать и скакать?!». А мне главный бухгалтер говорит: «Маш, ты не переживай! Да всё образумится!» (*смеётся*). А я говорю: «Как представляю! Так страшно! Стреляют!». Она говорит: «Ты чё думаешь? Они подойдут к берегу и будут стрелять, что ли? Они ж всё равно откуда-то будут стрелять! А ты... такое впечатление, что они встанут у берега и будут тра-та-та! Нет, - говорит, - совсем по-другому!» Я говорю: «Ну, Лариса Степановна, вы меня успокоили!». А потом, правда, всё успокоилось и это...

Я повзрослела рано. Наши уезжали на Запад, потому что отец работал, два года в отпуск не ходишь, потом тебе дают проездной на жену и на тебя. Вот он ездил к своим родственникам, братьям, туда, на Запад. И я уже им там кухарничала. Я же самая младшая в семье была. Кухарничала, им кушать варила, печку топила на улице. Помню, плачу, а Олег говорит, брат, который на Украину уехал, говорит: «Чё плачешь?» (*подражает*) «Ты ж скоро встанешь на работу собираться, а я ещё печку не растопила, ничё не приготовила!». «Дурочка!» - говорит. Встал, растопил мне печку, ну и всё пошло, пошёл процесс. Так что я это... рано повзрослела в связи с этим. Так они уезжали, когда на Запад в отпуск, я на ихнее место ложилась, будильник (*изображает*) ставила около себя, чтоб не проспять! Мне ж братьям есть и сётрам! (*смеётся*).

– Это вы в школе учились?

– Да уже, это, наверное, в начальных классах. Я в пятом классе уже кушать готовила то(ль)ко так!

– В десять лет, да?

– В одиннадцать-двенадцать. Так что это...

– А в школе? Как помните? Это в какую школу вы ходили?

– Я?! В шестую ходила!

– Это она где находится? На Горького?

– На Горького. Горького – Артиллерийская.

– Она такая и была? Ну, нет, это новая школа?

– Новая, а рядышком стоит здание, там что-то было, знаете, филиалы какие-то пединститута.

– То есть вы туда ходили?

– Нет. А да, я туда, я в той школе училась. А потом, когда была встреча выпускников, не помню, какой год, ага, мы в эту новую школу, ну, и мы посидели и это, говорю: «Ну, чё? Это ж не наша школа?!». И вот мы пошли туда, попросились, нас... разрешили пройти. Идём, всё знакомое, такие, это, такие залы там красивые, большие! Помню, Новый год... вот так вот марлю синькой пома... выкрасят и потом золотинки, эти, звёздочки, и космос там ле-

тит, и ракета летит, понимаете, вот?! И всё так было красиво! Торжественно! А зал вот этот, большой который... вот это окно тоже марлей синей занавесят, тоже звёздочки, ракеты! А зал такой красивый! Не то, что сейчас! Зайдёшь, и вот он потолок! А там был потолок! В школе учились мы... если учительница идёт, ты уже не побежишь! Это сейчас вот зайдёшь в школу, тебя уронят и даже не заметят, что ты упала! А раньше было очень строго насчёт этого! Если что, уже вот!

Ходили на хор, ходила на лёгкую атлетику, на лыжах занималась, когда в школе училась! В общем, как-то жила жизнью! Это сейчас секция! А раньше особо не было секций, раньше вот даже мы придём из школы, покушали, там, чё надо если по урокам, значит, это, или нет, так нет, и мы это... я иду туда на стадион пришкольный. А там всё доступно было, всё пожалуйста, прыгай, скачи, хоть в футбол играй! Потом мы чё...седьмой-восьмой, шестой-седьмой... потом нас в двадцать девятую школу отправили, мы учились. Школа-то двадцать девятая была по Зейской, Зейская – Артиллерийская, там второй дом, второе здание.

– *А сейчас есть оно?*

– Оно есть, но там сейчас речники. А мы учились напротив ДВОКУ (Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище – Н.Л.), где у них стадион был, ну, угол Ленина и Артиллерийской. На вот эту сторону. А напротив был, это, стадион двоковцев. Там у них, когда приём студентов, у них там палатки были, раскидывались, и там вот эти абитуриенты. А мы в зимнее время там лыжи, лыжня, мы ходили на физкультуру.

«Кинотеатров-то больше было раньше»

Афанасьева Клавдия Петровна, 1939 г.р.

г. Благовещенск Амурской обл.

Беседовала Потапова А.С., 2015 г.

Обработала Лагута Н.В., 2015 г.

– *А внешне город отличался от того, какой он сейчас?*

– Конечно, отличался! Сейчас уже намного красивей город! И набережная вон какая красивая у нас сейчас! Вот я вчера ходила на Амур, Амур ещё не полностью стал, но уже столько там подростков на льду катается! И-и-и очень красивая набережная сейчас и-и-и, по всей набережной до самого, какая там улица у нас сейчас, за парком, Артиллерийская, даже дальше Артиллерийской всё сделано. Набережную очень красивую сделали, конечно!

– *Раньше по большей части, когда вы приехали, здесь деревянные дома были?*

– Ну, конечно! Конечно, в основном, деревянные! А шас вон какие небоскрёбы! И освещение шас в городе вон какое хорошее! Центр хорошо освещён, окраины-то плохо у нас освещены.

– *А как центр выглядел, когда вы сюда приехали?*

– А деревянные тротуары были, деревянные тротуары, деревянные дома, автобусов, конечно, было очень мало, когда я приехала, больше пешком ходили. Наверное, поэтому и закалились (*смеётся*)!

– *А парк? Был, да?*

– Парк был.

- *Городской?*
- Ну, парк хороший был.
- *Аттракционы были?*
- Да, аттракционы были.
- *А вот как вы время проводили, как вы отдыхали?*
- Это в какое время?
- *Ну, вот как только приехали, ещё в 50-60-е годы?*
- Ну, тоже друзья были, одноклассники. Дружили с одноклассниками. Вместе в кино ходили, телевизоров тогда ещё сильно не было – в кино ходили, в театр на спектакли ходили.
- *А спектакли, какие или, помните?*
- Даже не могу вспомнить, я сразу быстро не вспомню. Ну, комедии также были, артисты хорошие.
- *Драмтеатр сильно изменился?*
- Нет, он, по-моему, и в то время такой же хороший был.
- *Часто спектакли или?*
- Спектакли часто шли.
- *А кинотеатр, какой был?*
- На перекрёстке Ленина-Шевченко кинотеатр «Октябрь», там фильмы постоянно, мы ходили, там даже два зала было, большой и малый. Ну, а щас построили вот этот новый кинотеатр. Кинотеатров-то больше было раньше.
- *Больше было?*
- Больше. Был на Спичке кинотеатр, потом вот здесь в центре Ленина, Ленина... с чем пересечение...
- *Пятьдесят лет?*
- Да, Пятьдесят лет, ага. И на... на Артиллерийской, по-моему, ещё. По-моему по этой улице, там ещё был кинотеатр.
- *Ну, популярны были, да, кинотеатры?*
- И все даже... даже билетик, если заранее не купишь, то и не попадёшь на... на фильм. Заранее покупали билеты.
- *А танцы какие-то были, культурные мероприятия?*
- Да, в городском парке танцплощадка была, потом в Речном училище. Во всех... в училищах во всех были эти мероприятия, куда можно было пойти потанцевать в субботу, в воскресенье тоже, ходили постоянно.

Левашёвская дача

Алексеева Галина Кузьминична, 1946 г.р.

г. Благовещенск Амурской обл.

Подготовила Алексеева Г.К., 2008 г.

1955-1956 годы. Третий класс. Мне идет десятый год. Мы всей семьей переезжаем в дом на берегу Зеи. Кожевенная номер два. Здесь я прожила до двадцати семи лет. Это была не просто жизнь – это был целый мир, Вселенная.

Теперь этого дома нет. Его снесли в 90-х годах XX века. Но он живет в памяти. Огромный, деревянный. Комнаты высотой три с лишним метра. Дом, рубленный из больших сосновых бревен, оштукатурен внутри. Половицы широкие, крепкие, отполированные, будто из мрамора. Особое восхищение вызывали окна. Шесть из них выходили на берег Зеи, на восток, четыре – на север. Об остальных сказать трудно. Когда мы сюда переехали, в доме уже жили четыре семьи. Одним словом, перегороженный дом к тому времени был коммуналкой. Нам достались четыре северных окна и четыре восточных.

Рамы были добротные, крепкие, окна открывались настежь, когда цвела черемуха. Ее запах пленял всех. Несмотря на печное отопление, на обилие людей, в доме был чистый, ароматный воздух. Наличники были не резные, а как бы сплетенные из косичек. Простые и лаконичные украшения. Были ставни с большими железными креплениями, защищающими дом так, что проникнуть внутрь через закрытое окно было невозможно – металлические штыри и болты прочно соединяли ставни и бревна изнутри.

Крепкие крючки сверху и снизу были и у входной двери. Все добротно, прочно, крепко. Когда в 70-х годах волею судьбы дом начала занимать только наша семья, был произведен ремонт и разрушены надстроенные перегородки, открылось то, о чем мы даже не подозревали: под штукатуркой – обои, еще дореволюционные; межкомнатные двери, такие ровные и гладкие, что к ним хотелось прикоснуться щекой. Почувствовалась вся красота, что была скрыта в этой полуразрушенной усадьбе. Красота была не только в доме, но и в столбах, оставшихся от когда-то величественных ворот, в двух других домах поменьше, поскромнее, где тоже жили несколько семей.

Рядом с домом, в березовой роще, располагалась Левашевская дача. Левашевка. Так ее называли все.

Красивый деревянный теремок, в котором жило-поживало большое количество семей. Их дети, внуки и сейчас живут там. Во многих квартирах этой дачи-теремка я была. Конечно, к тому времени многое было уже перестроено. Каждая квартирка имела отдельный выход. Они со всех сторон окружали дом, к выходам были пристроены крылечки. Скорее всего, двери сделали на месте бывших окон. Квартирки были тесноваты и темноваты. К 1955 году на даче жило пять семей: Гиц, Слюсаревы, Аксеновы, Кальяновы и Тумановы. Тумановы единственные жили на втором этаже. Наверх вела крутая неширокая лестница. Ступеньки поскрипывали, и по ним приходилось ступать осторожно. Тумановы жили скромно, аскетично, бедно, даже по тем временам. Но была очень богатая библиотека. Лучше книг я в те годы не знала. Было очень странно видеть этой семье такую библиотеку. Я несколько раз брала читать книги, по прочтении возвращала. Хозяйка дорожила библиотекой, но, когда семье стало жить совсем трудно, она стала понемногу книги распродавать.

Единственное, что в те годы объединяло весь дом, это облицовка дачи. Снаружи она была отделана досками, шириной сантиметров двадцать, хорошо обработанными, гладкими, очень ровными досками одинакового золотисто-желтого цвета. Архитектура была необычная – подобных деревянных строений я никогда не видела – и было всегда интересно представлять дачу в ее первозданной красе, хотелось узнать имя архитектора.

От дачи к Зее вела яблонева аллея. Весной, когда цвели яблони, это было незабываемое зрелище: белое кружево спускалось к самому берегу. Красота! Берег реки пологий, чистый, покрытый мелкой галькой, кое-где песок. Очень чистое и дно Зеи, и, как ни странно

для этой реки, вода в окрестностях тоже чистая – прозрачная – видно дно, мелкую рыбешку, собирающуюся вокруг погруженных в воду ног, рук. Можно часами наблюдать за стайками этой мелочи.

Особо хочется сказать о березовой роще. Березовой ее называли мы, дети. На самом деле здесь росли и сосны, и черемуха. Но большинство деревьев – карельская береза. Тогда я впервые увидела это дерево, узнала его название. Роща была любимым местом сначала для игр, потом прогулок, свиданий. Раскинув на траве одеяло, готовились к экзаменам, а в перерывах катались на велосипедах. С восхищением вспоминаю чистоту этого места: нет никакого мусора, по траве ходим босиком, да еще и ноги остаются чистыми. А еще было много грибов, иногда собирали по ведру. Роща была одна на всех – никто не ломал веток яблонь и черемух, не протапывал лишних тропинок, не копал землю под деревьями. Мы все её как-то негласно берегли и любили. Особенно любили молодые берёзки. Они росли в западной части рощи и были насквозь пропитаны светом и теплом – это было самое светлое место, – а южнее стволы деревьев были толстые, не обхватить. Таких величественных стволов у берез я не видела. Наверное, хорошо им жилось в это роще, где было много молодости и любви.

Красота, чистота, нетронутость этих мест была вплоть до наводнения. Необходимость защиты города обернулась трагедией для этих милых сердцу берез. Строили укрепления, рыли рвы, котлованы, в которых брали песок для дамбы – окрестности берега изуродовали. После дождей в ямах застаивалась вода, постепенно за полвека берег покрылся тоннами мусора и отходов. стыдно пройти по построенной дамбе сейчас. Нет хозяина, нет человека. Где та красота, которая «спасет мир», где «чистейшей прелести чистейший образец»?

От всей усадьбы как-то в стороне стоял невысокий, несколько удлиненный, как бы состоявший из двух частей, темноватый, с маленькими окошками дом. В нем жила семья моей подруги детства Веры Юровской. Жили да жили себе, пока однажды на чердаке этого дома мы с Верой не обнаружили сундук с женскими платьями невиданной красоты. Нам, девчонкам, и не снилось такое богатство! Но брать их, выносить с чердака было строжайше запрещено. Удивительно, что добрые Юровские, жившие, как и все после войны, очень скромно, вдруг становились очень строгими и немногословными, когда речь заходила об этих нарядах. Лишь однажды – тогда я уже училась в одиннадцатом классе – мне было разрешено взять одно длинное, золотом расшитое платье на новогодний карнавал, но строго было наказано вернуть его на место рано утром.

Что стало с тем сундуком и его содержимым, я не знаю. Но, читая книги о расстреле царской семьи в Екатеринбурге, я часто думаю: «Был ли родственником тому Юровскому мой сосед Сергей Юровский, 1919 года рождения, родом из Екатеринбурга, и что это был за таинственный сундук, в котором хранились невиданной красоты одежды, которые нам, детям, не разрешали трогать, рассматривать и запрещали говорить о них?» А в конце 90-х годов XX века я узнала и об обитателях дачи Левашева, живших в далекие дореволюционные годы. Трагедию хозяйки дачи... Время быстротечно. Годы словно выстроились в ряд. Как же мало прошло лет от 1922 года до 1955-го. Сколько произошло событий, трагедий, горя. А может, те платья в сундуке принадлежали хозяйке Левашевской дачи? Молчит история.

Тяжёлое время

Оськина Александра Васильевна, 1936 г.р.

Оськина Ирина Валерьевна (дочь)

г. Благовещенск Амурской обл.

Беседовала Лагута Н.В., 2015 г.

Обработала Лагута Н.В., 2015 г.

– (И. В.) Про войну расскажи, как баба этого купала.

– А про войну. Вот в этом доме, когда жили втроём мы, три семьи, да, с нами были Плохотины, у них, значит, тоже, ну, мужиков не было, мужики, значит, воевали. А у них был один немой, глухонемой мальчишка. Ну, господи, тогда ни топить нечем было, ни.... карточки вот эти хлебные, да, ой, ужас один! Я вот до сих пор вспоминаю, как хлеб, мать даст кусочек хлеба, да, маленький, по карточкам же, да! И мы этот хлеб не ели, а сосали! Чтоб на дольше хватило! Вот, я это хорошо помню, как этот хлеб возьмёшь и сосё-ёшь его, сосёшь, сосёшь! Вот так вот. И вот воду грели там, в чугунах, и купали в ванне, да, нас. И вот соседка моей матери говорит: «Ты покупай моего вот этого глухонемого, да». Вот. Она говорит: «Да, ну как, вода-то уже остынет! Пока я своих перекупаю!» Вот. Трое нас тогда ещё было, Любушки ещё не было. Она говорит: «Вода же будет холодная!». Она говорит: «Ну, хоть в холодной покупай!». И вши же тогда были! Господи, там вообще страсть была! И вот, она ему показывает – з-з-з-з! Холодно, мол, будет, да! А он – давай, мол, купай! И вот мать купала этого ребёнка, так она в благодарность, так сказать, что мать его вот этого купала, немого, она приносила... она работала уборщицей в хлебном магазине, рядом там был тоже хлебный магазин, и вот эти вот крошки, которые оставались, от булок, она вот... щеточка у них такая была, она сметала вот эти крошки и приносила домой! Сама ела и нас угощала! Вот этими крошками! Да, ещё рады были этим крошкам! Вот.

– *Так тяжело было?!*

– Ой, тяжело было! Это вообще! Помню, просили маму: «Мам, ну пожарь картошки!», да. Она: «Ну, какой картошки! Масла-то нет, на чём я пожарю!» – «Ну, на воде!». Она говорит: «Ну, как же на воде, она же не пожарится!». А мы же не понимали! «Ну, пожарь картошки!». А ели, я помню, ой! Жмых! Которым свиней кормят! Был соевый жмых и подсолнечный. Вот такие большие круги были жмыха. И вот этот жмых, было вообще праздничное блюдо у нас! Вы понимаете, вот! Особенно подсолнечный! Вот этот жмых!

– *Это скорлуна?*

– Ну, это щас свиней кормят, отходы там какие-то, вот от подсолнечника там отходы, наверно, шкурки там перемалывают как-то, да. И они были большими кругами, вот, соевый и подсолнечный. Но подсолнечный был вкуснее! Вот так. Вот это вот ели. Ну, не было, не было... жрать вообще нечего было. Вот я это хорошо запомнила, как хлеб сосали. Ужас!

– *А был огород возле дома?*

– Не было.

– *А картошку где брали? Покупали?*

– Ну, картошку, я не знаю, где-то, может, садили в поле. Я помню уже после, как мы ездили. От организации ездили на поле картошку садить, и тоже автобусов тогда не было,

что возили вот как сейчас, да. А был просто грузовик, такой, обыкновенный, грузовая машина. И вот на эту грузовую машину надо было забираться, вот там стояли вот так скамейки, ну, кто сидел, кто стоял, вот. Бабушки, конечно, сидели, женщины, а мы помоложе, дак на корточках или на задницу прям садились, на этот самый, в кузове и всё. Вот так мы ездили, вот я тоже хорошо запомнила! Как баба Таня, это мама моя, вот ездили. Ну-ка, залезь-ка на эту машину, да! Подсаживали друг друга и залазили, вот так! И вот на картошку, садили, я помню, мы, это, садили картошку в поле. А потом машина приходила и, значит, кто выкопал, отвозили эту картошку. И копалок не было!

– *А чем копали?*

– Ну, не было копалок! Руками! И перча-аток тогда не было! Ну, может, они и были, ну, наверно, не было! Вот так вот копаешь-копаешь, а она под ногти как налезет, ой! До того больно, аж сердце замирает! Вы представляете?! Вот так руками просто копали вот эту картошку! Я тоже хорошо запомнила! Щас вон копалочку взял, вилами под это... ой, ужас один! Вот так!

– *А в школе какой вы учились?*

– Я училась в тринадцатой школе, это была на Амурской – Театральной. Деревянная школа, щас её, по-моему, уже там тоже нет. Вот, снесли. Там была начальная школа, вот. С первого по четвёртый класс я там училась. Потом я училась в девятой школе, вот, это где-то на Северной она была. На Северной, вот. Тогда учились ещё отдельно мальчишки, отдельно девчонки. Было вот так. А потом, в общем, почему-то эту девятую школу или закрыли, или что... перевели в пятую. Я в пятой ещё училась. Вот я восемь классов в пятой школе закончила, которая на Ленина была. Ленина – Театральная, там была пятая школа.

– *А на реку ходили? Купаться?*

– *(смеётся)* Редко ходили купаться. Меня родители... боялись, что я утону, плавать не умею до сих пор! Хотя прожила на двух реках! Мама меня не пускала на эту самую! Понимаете?! На речку! Не пускала, она боялась, что я, это самое... утону! Вот так было. У меня вот два старших брата, потом – я! Одна, так сказать, желанная! И вот, когда я закончила восемь классов, и поступила на фабрику работать на швейную... А тогда было восемь классов – это очень много! В те времена, понимаете, вот. Хорошее было образование! И меня решили с фабрики послать, по-моему, в Новосибирск, что ли, в техникум! В технологический! Чтобы я, значит, на технолога выучилась! Беспла-тно всё, да! И меня мать не пустила! Она сказала: «Чё ты там будешь одна делать?! Такая молодая! Ой, да я буду за тебя переживать!». Она меня не пустила! Всё! Я так и осталась на фабрике. Начала с ученицы швейной, потом я уже дошла до резервистки, резервистка – это, которая вот, допустим, брюки шьют по операциям: один, значит, швы, другой – гульфик вставляет, третий – пояс, а я, значит, могла уже все брюки сама уже сшить, научилась. Потом я там бригадиром тоже была, вот уже, так сказать, «дошла до пастуха» *(смеётся)*. И вот так вот... нет! И всё! Не пустила и всё!

– *Сколько вы времени проработали на фабрике?*

– Ну, я проработала сколько там... с пият третьего, наверно... наверно, лет пять я там точно проработала.

Праздники

Афанасьева Клавдия Петровна, 1939 г.р.

г. Благовещенск Амурской обл.

Беседовала Потапова А.С., 2015 г.

Обработала Лагута Н.В., 2015 г.

– *Расскажите, много, да, раньше таких культурных мероприятий в городе было?*

– Культурных мероприятий много было, и мы коллективно всё время отмечали, и праздники все отмечали... или в Театре драмы, или Дом профсоюзов. Очень хороший зал, там мы отмечали. В ресторанах отмечали.

– *А скажите, какие, например, в Театре драмы, какие мероприятия яркие помните?*

– Ну, праздничные, новогодние встречи там проводили, и 7 октября праздник всегда мы отмечали. В Театре или Дом профсоюзов у нас был в то время, был... а не, вообще-то в то время не было ещё. Нет, не было, позже уже был.

– *А Новый год как отмечали?*

– Новый год как отмечали? Ну, Новый год мы в коллективе встречали обычно, в коллективе. А так уже семейными парами.

– *Нет, в Драмтеатре, вы говорите, Новый год был?*

– Ну, за сколько я, 36 лет проработала, разные мероприятия были. Конечно, и в Драмтеатре встречали Новый год. На спектакли, коллективные были... В Доме офицеров Советской армии очень часто мы закупали билеты и ходили коллективно. Коллективом своим на эти праздники.

– *Взрослым, да, уже коллективом, трудовым?*

– Да, трудовым коллективом.

– *Ну, а как, весело проходило всё?*

– Вообще-то очень весело! А на демонстрации мы ж всегда, все ж праздники ходили на демонстрации. Там вообще у нас весело всегда было. Чё-то туда прятали (*показывает, смеётся*).

– *А-а, понятно.*

– Гармонисты у нас свои были! И пели, и плясали, и танцевали, пока демонстрации проходили, дак, и напляшемся, и напоёмся, всё на свете!

– *А пели что?*

– Пели?! Ну, наши песни.

– *Ну, например, какие?*

– Какие песни? «По диким степям Забайкалья» пели, потом... какие ещё, «Московские вечера» часто мы пели песню, «Люблю я ленинские горы...». «По долинам и по взгорьям» – это вот Приамурская песня. Вот эти все... И всегда у нас баянисты, и весело проходило.

– *А наряжались во что?*

– Наряжались? Ну, кто свои костюмы, маски покупали, костюмы себе готовили, шили. Ну, во-первых, мы вечером, допустим, идём встречать или в Театр, или какой-то... Ну, Дом профсоюзов уже был у нас, мы встречали там. А ещё и на работе мы обязательно делали праздничные вечера. Но только вечера у нас, мы же в торге работали, вечером у нас не получалось, иногда и вечером делали, а обычно утренники, с 8 до 10 утра. <...>

- Ну, вот раньше Новый год праздновали, а что ещё?
- 7 октября, 1 мая. Чё ещё?! Ну, вот эти вот в основном праздники.
- А как праздновали? Ну, например, 7 октября как праздновали?
- Ну, 7 октября мы обычно праздновали, у нас даже приглашали артистов, артисты у нас это... ну, артистов до сих пор ещё приглашаем. Универмаг ещё приглашает из филармонии этих... или художественную самодеятельность, или отдельно там это, договариваются, кто может провести нам праздник.
- А ещё что? Артистов приглашали, а ещё как?
- Сами готовились, у нас своя самодеятельность была ещё вдобавок. Самодеятельность была у нас.
- Ведущие, да, были?
- И ведущие были у нас. Костюмы иногда брали мы в Драмтеатре, заказывали. А потом раньше ещё очень, до перестройки, во-первых, раньше же ещё постоянно приезжали с Хабаровской филармонии и из Владивостока приезжали. И почти всем коллективом мы ходили на эти... ну, на мероприятия. А летом вообще выезжали очень часто за город. То катер заказывали, то... всё время выезжали за город. А зимой на поездах ездили за город. Вот на базы, на эти, на Мухинке, потом, какая ещё там база у нас...
- «Василёк»?
- «Василёк», да. Ну, там другие назывались эти базы, но были тоже они. А я ещё вдобавок была председателем культурно-массовой секции. Мне постоянно приходилось организовывать эти праздники.
- А что в ваши обязанности входило?
- Как председателя культурно-массовой секции? Ну, во-первых, к праздникам готовились, и торжественные поздравления передо... отличников, не отличников, а кто... на каждый праздник у нас обязательно, мы уже выбираем, кто как работает. Соревнования были у нас, соревнования между секциями. Потом договора содружества мы заключали с предприятиями на поставку товаров. И с этими коллективами мы встречали даже праздничные дни. <...> Нормы ГТО сдавали каждый год на стадионе. А Потребкооперация у нас же была, и они нас подстёгивали, или как сказать, как правильно, и... в план работы это включали. Творческие планы составляли, это во-первых, и в эти планы уже включали, где какие праздники мы будем проводить, где, кто готовить.

Открытие универмага

Афанасьева Клавдия Петровна, 1939 г.р.

г. Благовещенск Амурской обл.

Беседовала Потапова А.С., 2015 г.

Обработала Лагута Н.В., 2015 г.

- А в универмаге вы с его открытия, да, начали работать?
- Ну, в новом универмаге? Да, мы его и строили. Строили и готовили к открытию.
- А расскажите, как это было?
- Ну, универмаг... раньше у нас универмаг был, где у нас шас «Товары для дома», был универмаг. Ну, а когда уже запланировали строительство нового универмага, конечно, здесь

уже и число... число рабочих мест больше было на 100 процентов можно сказать. У нас... если здесь было у нас где-то коллектив 150-200 человек, то универмаг открывался на 450 рабочих мест. Вот. Товаров надо было запас... завозили товар для это, по фабрикам ездили, чтобы это... на открытие универмага товары завозили. С фабриками договаривались на поставку товара, ну, я работала в универмаге, в новом универмаге, ну, я уже в старом универмаге работала старшим товароведом. Мы по группам, у нас было четыре товарные группы, а я возглавляла товарную группу трикотаж, трикотаж, чулочно-носочные изделия. Вот это моя группа была. И постоянно в командировки нам приходилось ездить, и в Москву, и во все города мы ездили в командировки. На ярмарки ездили мы, закупали новый товар, недостающие товары покупали. И сами заказы делали на поставку товаров. Ну, на такие дефицитные товары, конечно, если мы хотели, чтобы нам дали больше, на всё был лимит, больше, чем мы хотели, нам не могли дать. Поэтому раньше дефицит товаров был. Не потому, что мы его мало заказывали, а потому, что не отпускали такое количество товара, которое б мы хотели.

– *Товары, в основном, из других городов России, да, везли?*

– Ну, у нас и свои фабрики были. Кожгалантерейная фабрика была у нас, на Октябрьской улице, они пошивали кожаные изделия: сумки, чемоданы делали они. Потом... обувная фабрика здесь у нас была. Райчихинская фабрика, Белогорская швейная фабрика, не фабрика, а цех какой-то. Швейная фабрика здесь в городе у нас была, постоянно мы с ними работали. Райчихинская обувная, я сказала уже, ну и всё, по-моему.

– *А открытие как проходило универмага? Как праздник или просто?*

– Как праздник! Ну, во-первых, и корреспонденты присутствовали, и ленточка была у нас, которую разрезать надо было, с управления торговли представителей много было, с администрации представители были. И обед... в этой же, в новом универмаге, на четвёртом этаже у нас был уже свой зал, где мы могли проводить уже и вечера и-и-и собственно... Ну, и после того, как открытие универмага... а вечером уже, конечно, концерт, пригласили с филармонии артистов, и подготовили специальную программу мы своими силами и артисты филармонии были. Ну, там по специальной программе всё приготовлено было.

– *А артисты пели, да?*

– Пели, и танцевали, и рассказывали.

– *А что рассказывали?*

– Ну, интересные, ну... свои юмористические эти, номера. И свои у нас артисты хорошие были.

«Здание, где жили дети царей!»

Старыгина Людмила Алексеевна, 1941 г.р.,

г. Благовеценск Амурской обл.

Беседовала Старыгина Г.М.(дочь), 2015 г.

Обработала Лагута Н.В., 2015 г.

– *Значит, на улице Горького находилась гимназия, да, она называлась?*

– Женская гимназия. Принимали только девочек. И такой был интересный случай. Когда мама привела меня в 1948-ом году записывать в первый класс, меня встретила заведующая и сказала: «Мы девочек принимаем только с косичками!». Как я горько плакала! Вот это вот я помню!

– *А у тебя не было косичек, да?*

– У меня не было косичек тогда!

– *Почему?*

– Были вши, и мама меня стригла всё время.

– *То есть был короткий очень волос?*

– Короткий был волос.

– *Ну, и что? Как? Ты расплакалась, когда тебе прям(о) сказали, или ты дома расплакалась?*

– Нет, я там расплакалась! Но Пана Романовна... Так звали заведующую...

– *Она заведующая или директор гимназии?*

– Она была заведующей гимназии. Она сказала: «Успокойся, девочка! Всё, мы тебя принимаем, и надеюсь, что ты будешь отращивать косы!»

– *Пана Романовна. А фамилия?*

– Фамилию я не помню. И когда был в 1958-ом году выпуск, мы с ней плакали, обнявшись, я напостила этот случай. И я тоже помню!

– *Ты с косами была или нет?*

– С косами была (*смеётся*), с косичками, хотя волосы были плохие.

– *В 58-ом году уже выпускалась?*

– Да, выпускалась, и мы с Паной Романовной... вот почему я её запомнила на всё время!

– *Ну, а само вот здание, как?*

– Ой! Мне показалось, это здание, где жили дети царей! Во-первых, там был... красивые были коридоры, где были постелены дорожки! По бокам стояли чаши с цветами! Я впервые увидела туалет! Что это такое – туалет! Что такое раковина! И для меня это был... мы приходили, мы так оберегали школу, так любили!

– *Гимназия или школа, всё-таки? Как правильно? Гимназия, да?*

– Ну, гимназию быстро убрали. Записывалась я в гимназию, а потом уже, в классе третьем, уже школа была.

– *А девочки учились с первого по десятый да класс получается?*

– Да.

– *Много было, сколько вас первоклассников?*

– Очень много было, очень. Я училась 1 «Г». И в классе было очень много девочек. У меня фотография есть, можно посмотреть. А первая школа, номер один, гимназия мальчиков, там учились отдельно мальчики. Ну, представьте, было всего вот две школы! На весь город наш, Благовещенск! Потом начала... школа какая-то, номер одиннадцать открылась.

– *Дом, похожий на дворец, да?*

– Дом, похожий на дворец, где жили дети царей! Или дети богатых вот... помещиков, буржуев.

– *Какие легенды про этот дом ходили? Что там было необычного?*

– Необычные там были подвалы! Необычные такие были подвалы! Ходили (слухи), что там водятся призраки! И подвалы были соединены подземными ходами с берегом Амура, по моему, ну, вот такие ходили легенды!

– *А подвалы на самом деле там есть или это всё вымыслы?*

– Нет-нет, подвалы там были, да! Подвалы были, но никогда туда не водили детей! Всё крепко было закрыто.

– *То есть не разрешали, да?*

– Не разрешали туда, да.

«Там вообще щас ничё не узнаешь!»

Лыткина Мария Степановна, 1949 г.р.,

г. Благовещенск Амурской обл.

Беседовала Лагута Н.В., 2015 г.

Обработала Лагута Н.В., 2015 г.

– Родилась там, вот, где на Загородной двадцать восемь. Жила там до, можно сказать, до тридцати лет, потом нам квартиру дали.

– *А родители ваши? <...> Кем работали родители?*

– Родители? Отец работал у нас, как правильно это сказать, культурно, охранником. А мама не работала. Она не работала почему, потому что нас пятеро было. Она не работала. А потом, когда мы маленько подросли, она уже пошла на мебельную фабрику, за лифтом присматривала, грузовой лифт там был, и вот она.... Она меня после школы, я не поступила в институт, я пошла туда работать. Вот. Он, это, там я проработала... Ну, с осени до весны, а там я уже поступила в техникум. Вот. И вот она там уже и работала. У неё уже возраст всё равно был, чё, если она меня уже в тридцать семь родила. Я уже, считай, школу закончила. Она умерла в пятьдесят девять лет. А отец умер, он прожил без неё ещё шестнадцать лет. Братья... сестра вышла за военного, уехала. Брат женился, квартиру там по работе дали, потом коммунальную дали, потом уехал в Ленинградскую область. Щас брат этот старший с 41-го. Сестра в Подмосковье живёт всей семьёй.

– *Только брат здесь?*

– Брат, который с 46-го, и я с 49-го. <...>

– У нас, кстати, территория была вот до угла, до Серышевского переулка, а потом...

– *Ну, это всё частный сектор, да?*

– Да, это частный сектор.

– *Сейчас там что-то застраивают?*

– Ой, щас там вообще ничё не узнаешь! Там вообще щас ничё не узнаешь! Напротив была гончарка, там строили эти, делали гончарную продукцию.

– *А что делали?*

– Да, крынки, наверное, чё ещё там...

– *Глиняное всё?*

– Да, глиняное, гончарка. А, кстати, там тоже мать моя работала. Типа, сторож. А чё, дорогу перейди, и вот она гончарка! А там такая сопочка хорошая была, мы там всегда катались на санках! С этой стороны так маленько полого, мы на лыжах катались, а с этой стороны так круто, и мы, это, на санках катались. Ой, так здорово! Только мать всегда говорила: «Там дорога, смотрите, ещё под машину не залезьте!». Ну, правда, транспорту мало было, но всё равно, всё время предупреждала. А туда дальше, там было болото. Там всё время в зиму оно замерзало, и мы это, там катались! Кто на вот этих вот, на валенки коньки привязывал, кто уже самокатики, вот так вот отгалкивались, так что мы там пропадали всю зиму, на этом болоте! А потом это болото осушили и КЭЧ заняла эту территорию.

– *Это что там построили?*

– КЭЧ, а просто территорию... предприятие было. А КЭЧ, главный вход был Зейская, а здесь всё было огорожено. А потом, не знаю, куда девалась эта вода, наверное, высушили.

– *Наверное, здесь же тоже было болото?*

– Здесь было болото, да, везде было болото. А вот как-то было это, дак у нас вода была в подвале, чё-то осадков было много. <...> А вот там на Загородной мы жили, нас никогда не топило. А как-то раз дождь как повалил, как пошёл, как пошёл! А потом чё-то или отец, или мать, чё-то надо было, открывают, а там воды! Вот так вот! первый раз! А так никогда у нас воды не было!

«Всё кажется, что сто лет назад было интереснее и лучше!»

Мамонтова Ольга Константиновна, 1935 г.р.

г. Благовещенск Амурской обл.

Беседовала Лагута Н.В., 2015 г.

Обработала Лагута Н.В., 2015 г.

– *Ольга Константиновна, в какой вы школе учились?*

– В четвёртой.

– *Это которая гимназия?*

– На Калинина, калининская школа. Бывшая женская гимназия. Вот. И я школу о-очень любила. Очень любила. Я училась в ней из милости.

– *Почему?*

– Почему?! Потому что мы были дети врага народа. Моего отца арестовали в сорок первом и погубили в Тайшете. Вот. И мы остались с мамой, и без всяких надежд, нам же ничего не платили, ничего, понимаете. А в школе надо было тогда платить деньги за учёбу. А где платить, когда кроме меня ещё трое в семье. А я самая старшая. Ну, в общем, ко мне... я любила очень школу. Я вставала рано, и... прибежала в школу. А знаете, наш дом был, как раз наискосок была четвёртая школа, там была площадь. Не площадь даже, там было, знаете, что... сначала было такое озеро, болото, там кулики даже бродили. Тут, говорят, что, когда четвёртую школу строили, мама говорила, гимназию эту, тут три года сначала будто бы этот камень завозили. Понимаете, всё это самое, ставили.

– *Укрепляли?*

– Ну, да. Укрепляли. Как сейчас, что ли строят?! Ну, вот. И я... там было всегда тепло, в самые сложные времена, я не знаю, как обеспечивали. Но я училась когда э-э-э, директором была Агафья Георгиевна Поленко, она и жила там, в школе, там директора квартира была в школе, гимназический принцип. И она, знаете, она очень старалась: школа... всегда было тепло и чисто! И из дому, где нечем было топить и подчас только кухню... закрывали всё и кухню кое-как натапливали, понимаете, я бежала в школу рано, рано совсем, и бежала вот в тапочках, потому что другой обуви не было, вообще, ни обуви, ни одежды, понимаете, вот... И прибежала туда, а там, это называлось «нянечки», уборщицы, они: «От, Оля пришла!». И сейчас, когда здесь уборщицы меня называют «Оля!», для меня это так, такое родное и знакомое, понимаете?! Вот. И я сидела, читала. Утро, когда я... знаете, любила читать больше всего на свете! Поручить мне что-то дома было бесполезно! Например, грядку выкопать или что-то. Если у меня оказывалась книжка! И лупила меня мама за эти дела, понимаете. Ну, вот. И я тогда в школу! А в школе можно почитать. Вот проснусь утром... у нас, знаете, из Забурхановских в класс «А», в классе «А» было пять девочек. Мы же школу женскую заканчивали, а остальные были, вот, знаете, дети, как сказали бы сейчас, высокопоставленных чиновников, вот. Но они были воспитаны по-другому! Они были добрыми, отзывчивыми, понимаете, и у них были библиотеки! У всех были библиотеки! И они, вот, знаете, делились книгами. Я утром проснусь, думаю, книгу обещали принести! И всё! Я на уроке могла, знаете, преподаватель подходит, а я читаю, не вижу! Вот.

– *Прямо на уроках читали?*

– Ну, да! Вот так откроешь (*показывает*) парту, сидела я на последней парте, пока из-за близорукости меня на первую не перетащили. И уже... и не слышу, что замер класс! Потихоньку подходит ко мне учительница, а я сижу, читаю, голова у меня под этим самым, под крышкой парты! Тогда же не столы были, а парты. Ну, вот.

– *Попадало? Учитель ругала?*

– Нет! Они как-то меня... они ко мне хорошо относились! Тепло, понимаете! Почему?! Потому что они, например, могли сброситься и заплатить за меня, за учёбу! Понимаете. Вот Тамара Васильевна, преподавательница английского языка, значит, покупали учебник английского, у меня нет денег, я не могу купить, ну, вот, она, значит, принесла, раздала по списку в связи с... потом, ну, всё урок закончился, все – на выход, она: «Оля, ну-ка подойди-ка сюда!». Я подошла, она в свою сумку, в свой портфель заглянула, извлекла оттуда английский, учебник, и говорит: «Вот тебе учебник! Учись!». Вот. Хорошо относились ко мне. Видимо, как-то чувствовалось, я... как я теперь уже понимаю, наверное, я была достаточно одарённым каким-то таким человеком, понимаете. И поэтому... вот так всё.

А в вузе всё было моё! И мне надо было, я не могла, знаете, тот, кто учился на пятёрки, тот получал дополнительно двадцать пять процентов к стипендии.

– *Повышенная, да?*

– Повышенная, вот.

– *Где вы учились, Ольга Константиновна? В каком вузе?*

– В нашем пединституте! <...>

– *На филологическом учились?*

– Да, филологический, он так и назывался. Я, мы, я попала на пять лет, вот. Мы именовались: «Русский язык. Литература. История». У нас история была в большом объёме. По-настоящему, вот. А потом, значит, я стала получать Ленинскую стипендию, до этого, значит, я работала там, на кафедре, у Малышева, он заведовал кафедрой истории, вот. А потом у Евгения Петровича Сычевского, я у него работала. И вы представляете себе, это надо было встать до работы, до учёбы, я ведь не перевелась ни на вечерний, ни на какой, на дневном училась, и всё это сочетать! Ну, в общем, ничего *(улыбается)*! Как-то удавалось! Только надо было строго рассчитать, думать: идти, бежать пешком от своего угла, улица Хмельницкого и Северная, это, знаете, около Бурхановки там. Пешком до пединститута!

– *Там прилично!*

– Ну, да! Вот. Или поехать, автобус шёл, три остановки можно было проехать, каждая остановка пять копеек! Но пять копеек – это пирожок-ок! Понимаете, а я же целый день там кручусь! Вот. И, значит, или три пирожка, или пешком *(смеётся)*!

– *То есть, вот, по остановкам, да, считалось?*

– По остановкам, да, по остановкам сначала было. По остановкам.

– *Ну, автобусы ходили, да?*

– Ходили. <...>

– *Ольга Константиновна, вот, в том, прошлом Благовещенске какие у вас самые-самые любимые места были? Куда вы приходили с радостью? О чём вы тепло сейчас вспоминаете?*

– Ага. Знаете, что... во-первых, в центре города мне очень нравилось, и там особая какая-то аура странная, парк перед магазином Чурина, знаете, на Ленина. Вот, перед магазином Чурина. Он маленький, но он замечательный! Вот. И что ещё... нравилось, нравился вот этот уголок, когда, знаете, когда построили около гастронома стеклянную такую часть... по Ленина.

– *Поняла. Гастроном, который большой?*

– Да, да. Он тогда и был для нас гастроном. Гастроном тоже был один. Гастроном – это и есть гастроном! Все знали, что это на улице Ленина. Ну, вот. И, значит, потом уже, позднее идёшь, и вот этот гастроном, и вот эта стеклянная часть... я так смотрю, чем-то напоминает мне Париж. Думаю, вот здесь вот так взять, щёлкнуть, и как будто в Париже! Да, действительно, вот. А так, что нравится... вот и сейчас я вижу наши эти улицы и кварталы такими, какие они были раньше. Вспоминаем с сестрой: вот здесь вот это было, вот этот дом, вот этот... А сейчас мне кажется всё это такое стало безликое, понимаете, неинтересное. А тут на помощь приходит сказка Гауфа, я ввожу поправочный коэффициент, а может, это уже потому что я уже... всё кажется, что сто лет назад было интереснее и лучше!